

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ имени Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Ответственные редакторы:
академик В.В. Михеев,
д.э.н. А.Н. Федоровский

**КРИЗИС И НОВАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ
ДЛЯ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА
И РЕГИОНАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ**

Москва
ИМЭМО РАН
2018

УДК 327.56(519)
ББК 66.4(5К00)(5К0р)
Криз 823

Серия «Библиотека Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова»

Рецензент:
д.и.н., к.филос.н. А.В. Ломанов

Криз 823

Кризис и новая повестка дня для корейского полуострова и региональных держав. Отв. ред.: Михеев В.В., Федоровский А.Н. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 69 с.
ISBN 978-5-9535-0526-0
DOI:10.20542/978-5-9535-0526-0

Доклад обобщает исследование предпосылок, характера и последствий политического кризиса вокруг Корейского полуострова в контексте реализации северокорейской ракетно-ядерной программы. Дается оценка внутривнутриполитических и экономических процессов в КНДР после прихода к власти администрации Ким Чен Ына. Доклад содержит анализ современных внешнеполитических приоритетов Пхеньяна, а также сопоставление позиций Республики Корея и ведущих региональных держав (Китая, России, США и Японии) по ключевым вопросам корейского урегулирования. Обрисованы возможности и перспективы многостороннего сотрудничества в решении проблем обеспечения мира и безопасности на Корейском полуострове.

Crisis and New Political Agenda for the Korean Peninsula and the Regional Powers / Mikheev V., Fedorovsky A., eds.. – Moscow, IMEMO, 2018. – 69 p.
ISBN 978-5-9535-0526-0
DOI:10.20542/978-5-9535-0526-0

The report reviews fundamental reasons, main features and consequences of the political crisis on and around the Korean peninsula in the context of North Korean missile and nuclear programs. It presents an assessment of domestic political and economic processes in DPRK after Kim Chen Un's coming to power. Analysis covers Pyongyang's key foreign policy priorities, commonalities and differences between the Republic of Korea and regional powers (China, Russia, USA and Japan) regarding key issues of missile and nuclear crisis, prospects for multinational cooperation to maintain peace and security on the Korean peninsula.

**Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте
<https://www.imemo.ru>**

ISBN 978-5-9535-0526-0

© ИМЭМО РАН, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КНДР ПОСЛЕ ПРИХОДА К ВЛАСТИ КИМ ЧЕН ЫНА И ЯДЕРНАЯ ПРОБЛЕМА.....	5
ИЕРАРХИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ КНДР В НОВОМ СТАТУСЕ САМОПРОВОЗГЛАШЕННОЙ ЯДЕРНОЙ ДЕРЖАВЫ.....	19
ОТНОШЕНИЯ США И КНДР ПРИ АДМИНИСТРЦИИ Д. ТРАМПА	28
КИТАЙСКИЙ ПОДХОД К СЕВЕРОКОРЕЙСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОБЛЕМЕ	40
ПОЗИЦИЯ ЯПОНИИ В ОТНОШЕНИИ РАКЕТНО-ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ СЕВЕРНОЙ КОРЕИ	47
РЕАКЦИЯ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ НА КРИЗИС ВОКРУГ СЕВЕРОКОРЕЙСКОЙ РАКЕТНО-ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ....	50
ПРИОРИТЕТЫ И ВОЗМОЖНОСТИ РОССИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ МИРА И СОТРУДНИЧЕСТВА НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ.....	53
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	67

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа выполнена в Центре азиатско-тихоокеанских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН) в ходе реализации исследовательского проекта **«Возможны ли шестисторонние переговоры? Новая повестка дня для Корейского полуострова и региональных держав»**, поддержанного **Корейским Фондом** (Республика Корея). Публикуемый доклад подготовлен академиком Михеевым В.В., с.н.с. Давыдовым О.В., д.э.н. Федоровским А.Н. с использованием материалов к.полит.н. Вода К.Р., м.н.с. Игнатъева С.В., зав. отделом Ключевой Е.А. В реализации проекта и подготовке научного доклада к печати приняли участие к.э.н. Швыдко В.Г. и ст. лаборант с в/о Новичкова М.Н.

В своей работе авторы стремились показать, что кризис, остро проявившийся в 2016-17 гг. в связи с наращиванием КНДР своего ракетно-ядерного потенциала, носит комплексный характер. При этом проявление ракетно-ядерных амбиций северокорейского режима в решающей мере подпитывается не столько внешними, сколько внутренними факторами. Именно последним обстоятельством обусловлено то большое внимание, которое в данной работе уделено внутренним политическим и социально-экономическим процессам, протекающим в современной Северной Корее, а также тем новым вызовам, с которыми приходится сталкиваться нынешним властям в Пхеньяне, в отличие от их предшественников.

При этом авторы исходят из того, что позитивную лепту в улучшении ситуации на Корейском полуострове помимо двух корейских государств в решающей степени способны внести ведущие региональные державы. Причем как в формате двусторонних, так и многосторонних контактов. Вопрос о том, какая форма международного диалога может быть наиболее продуктивна, также рассматривается в данной работе в контексте оценки потенциала и возможностей сотрудничества

региональных держав, а также их приоритетов на корейском направлении.

I. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КНДР ПОСЛЕ ПРИХОДА К ВЛАСТИ КИМ ЧЕН ЫНА И ЯДЕРНАЯ ПРОБЛЕМА

Смена главы государства в КНДР всегда имеет определяющее влияние на характер правящего режима. Тем более в условиях вызова, с которым столкнулась Северная Корея в начале второго десятилетия XXI века.

После смерти лидера страны Ким Чен Ира 17 декабря 2011 г. его младший сын – Ким Чен Ын решением политбюро ЦК ТПК был назначен (якобы согласно завещанию покойного, нигде не публиковавшемуся) Верховным главнокомандующим Корейской Народной Армии и, тем самым, руководителем страны.

Проблемы смены государственного руководства

Обстановка, складывавшаяся в Северной Корее в тот период, была крайне неоднозначной и непредсказуемой. Дело в том, что Ким Чен Ир в последние годы жизни был склонен считать себя относительно «молодым» руководителем, особенно на фоне своих ближайших соратников, большинство из которых были старше своего патрона на 10-15 лет.

Уверенность в своем политическом «долгожительстве» помешала ему своевременно и правильно решить задачу сохранения стратегического курса страны в случае своего неожиданного ухода. Соответственно, о серьезной подготовке к смене власти речи не шло.

Ситуация стала развиваться стремительно после внезапной и тяжелой болезни вождя в 2008 г. (инсульт или обширный инфаркт), в результате которой он уже так и не смог полноценно вернуться к государственной деятельности. Последний приезд Ким Чен Ира в Россию в августе 2011 г. показал рано постаревшего, сильно нездорового человека.

В этой обстановке вопрос о преемнике Ким Чен Ира решался в экстренном порядке без должной проработки. В конечном итоге выбор пал на младшего сына – Ким Чен Ына. Однако он был выведен на политическую арену лишь в сентябре 2010 г. решением Конференции представителей Трудовой Партии Кореи. Тогда же он был назначен заместителем председателя Центральной военной комиссии ЦК ТПК – органа, который в те годы мало что решал на практике.

Главная проблема заключалась в том, что молодой руководитель (на момент выдвижения ему было не более 27-28 лет) не прошел должной подготовки к своей новой миссии. Причем не только из-за недостатка жизненного опыта, но и со всех других точек зрения – наличия соответствующего образования и административной практики, специальных знаний (в области внешней политики и безопасности), понимания обстановки в стране, стоящих перед ней целей и задач ее развития. Он не располагал своей консолидированной базой сторонников, поддержкой основного костяка кадрового аппарата. Более того, до января 2009 г., когда впервые в полуофициальном порядке страна отметила день рождения Ким Чен Ына, подавляющая часть населения даже и не подозревала о его существовании.

Начиная с октября 2010 г., Ким Чен Ын постепенно стал вводиться в политическую жизнь КНДР. Но происходило это достаточно медленно и нерешительно. В официальных новостных сообщениях Ким Чен Ын появлялся только в качестве сопровождающего лица Ким Чен Ира во время его поездок по стране, сначала лишь в качестве одного из многих. На всем протяжении 2010-2011 гг. не было ни одного случая, чтобы Ким Чен Ын проявил себя в качестве самостоятельного политического лидера, отвечающего за решение отдельного крупного вопроса.

Здесь уместно упомянуть, что Ким Чен Ир, напротив, был хорошо известен стране еще с начала 70-х гг., а уже в 1980 г. стал членом Президиума Политбюро ЦК ТПК, во всем помогая своему отцу в работе. Поднимаясь сам с низших должностей к более высоким, он не только приобрел опыт административного

управления, но и тянул за собой кадры, которые впоследствии составили его личную опору.

Из разных источников известно, что уже после смерти Ким Чен Ира выдвижение его сына на высшие посты поддержала «группа стариков» – узкий круг влиятельных соратников усопшего вождя. По всей видимости, это мотивировалось стремлением сохранить преемственность, обеспечить стабильность, не допустить межфракционных стычек за высшую власть в стране. Естественно, присутствовало и желание создать в своем лице своего рода опекунский совет, который мог бы заняться воспитанием и аккуратно корректировать в нужном направлении деятельность нового лидера.

Самая большая загадка состояла в том, что, по-видимому, практически никто, даже из самых влиятельных людей в стране, не имел четких представлений о политических убеждениях Ким Чен Ына, его видении путей выхода страны из системного кризиса, вызванного не в последнюю очередь ракетно-ядерными амбициями Пхеньяна.

Примечательно также то, что у значительной части международного экспертного, дипломатического и журналистского сообщества бытовала устойчивая иллюзия о том, что в лице молодого преемника, воспитанного за рубежом, мир сможет узреть «нового Горбачева», который разрушит отжившую политическую и экономическую систему страны, осуществит реформы, встанет на путь примирения с внешним миром.

В самом деле, на начальном этапе у Ким Чен Ына на руках были все политические «козыри»: незапятнанная «кровью» репутация, непричастность к неблагоприятной деятельности предыдущего режима, что давало ему неоспоримые преимущества в глазах Запада. И прежде всего – для начала диалога в целях решения наиболее острых внутренних и внешних проблем КНДР и Корейского полуострова, который был бы едва ли возможен с «нерукопожатным» Ким Чен Иром. Поэтому вполне логично было рассчитывать на то, что новый лидер, перед которым открывалась долгосрочная перспектива пребывания у власти при условии воссоздания благоприятного внешнего

окружения, не преминет воспользоваться столь редким и уникальным шансом.

Период ожиданий продолжался в течение всего основного этапа институционализации новой власти, занявшего около полутора лет и завершившегося после проведения в 2016 г. VII съезда ТПК. Эти процессы сопровождались глубокой перестройкой органов государственной, партийной власти и управления, что, по крайней мере формально, было подчинено задаче концентрации всей полноты власти в руках одного человека – Ким Чен Ына.

Как уже отмечалось, 30 декабря 2011 г. решением Политбюро ЦК ТПК Ким Чен Ын был назначен Верховным главнокомандующим Корейской Народной Армии (КНА). На состоявшейся в апреле 2012 г. 4-ой Конференции ТПК он избирается первым секретарем, председателем Центральной военной комиссии (ЦВК) ТПК (вошел также в состав Политбюро и Президиума Политбюро ЦК ТПК). Затем в ходе 5-ой сессии Верховного Народного собрания (ВНС) КНДР 12-го созыва, проведенной вслед за конференцией, Ким Чен Ын был избран Первым председателем Государственного комитета обороны КНДР (посты Председателя ГКО КНДР и Генерального секретаря ТПК навечно закреплены за Ким Чен Ир). На VII съезде ТПК (6-9 мая 2016 г., Пхеньян) Ким Чен Ын был выдвинут на пост Председателя ТПК.

29 июня 2016 г. по итогам 4-ой сессии ВНС КНДР были внесены изменения в Конституцию страны, согласно которым Государственный комитет обороны КНДР был упразднен, а высшим органом государственной власти страны объявлен Государственный Совет КНДР. Председателем Госсовета КНДР был избран Ким Чен Ын. Именно этому органу и стала принадлежать главная роль в управлении страной, хотя по партийной линии он работает под руководством ЦВК ТПК.

Важным является то, что Госсовет сосредоточил в своих руках контроль над ключевыми структурами силового блока: в его прямом подчинении Министерство народных вооруженных сил, Министерство охраны государственной безопасности и Министерство народной безопасности.

Таким образом, вопрос о легитимности нового руководителя был формально окончательно решен в 2016 г.

Внутренние предпосылки смены внешнеполитических приоритетов нового руководства

В марте 2013 г. в Пхеньяне прошел пленум ЦК ТПК, на котором было принято решение о проведении нового стратегического курса на «одновременное экономическое строительство и наращивание потенциала ядерного сдерживания». Состоявшееся в феврале 2015 г. расширенное заседание Политбюро ЦК ТПК подтвердило основные приоритеты северокорейского руководства: акцент на продолжение идеологической индоктринации населения, «опора на собственные силы», параллельное осуществление экономического строительства и наращивания ракетно-ядерной мощи, сохранение «преимуществ» социалистического строя как гарантии успешного развития страны и решения основных проблем населения.

Все эти установки практически похоронили надежды на то, что новый режим постепенно отойдет от прежней конфронтационной и милитаризированной линии во внешней политике и постепенно встанет на путь экономического и политического обновления страны. Это усилило разочарование оптимистов, возникшее после принятия на 5-ой сессии Верховного народного собрания КНДР 12-го созыва (13 апреля 2012 г.) поправки к Конституции, в преамбуле которой КНДР провозглашалась ядерной державой. В ходе 7-ой сессии Верховного народного собрания КНДР 12-го созыва (1 апреля 2013 г.) был принят закон «Об укреплении статуса государства, обладающего ядерным оружием самообороны».

Процесс закрепления в развернутой форме курса на постоянное совершенствование «сил ядерного сдерживания» формально был завершен на VII съезде ТПК, состоявшемся в мае 2016 года. КНДР была представлена внешнему миру как «ответственное государство, обладающее ядерным оружием, которое не применит его первым, честно исполнит перед

международным сообществом долг нераспространения ядерного оружия и приложит усилия к денуклеаризации мира». Соответственно, была декларирована готовность двигаться к денуклеаризации лишь в контексте глобального процесса ядерного разоружения, а до тех пор исключить вопрос о ядерном статусе КНДР из повестки любых переговоров Пхеньяна с другими государствами.

Иначе говоря, Пхеньян официально заявил о намерении и в дальнейшем игнорировать решения СБ ООН относительно своих ядерных и ракетных программ и побудить внешний мир считаться с КНДР как с полноправной ядерной державой. Такой подход, естественно, ставил под вопрос саму идею продолжения переговоров о денуклеаризации Северной Кореи и восстановлении ее статуса как безъядерного государства и участника ДНЯО. Другими словами, в деле ядерного урегулирования на Корейском полуострове обозначился полный тупик – наиболее серьезный за все время существования этой проблемы с начала 90-х годов.

Со всех точек зрения упомянутые неординарные шаги представляются немотивированными, нелогичными и труднообъяснимыми. Особенно учитывая тот факт, что сколько-либо заметных признаков роста внешней угрозы в тот период для КНДР не наблюдалось. К тому же законодательное закрепление ядерного статуса страны вызвало вполне понятный рост недоверия со стороны ближайших соседей к подлинным, а не декларируемым целям политики северокорейского руководства, существенно сузило Пхеньяну пространство для маневра на случай продолжения торга с его внешними оппонентами по широкому кругу вопросов.

Сколько-либо разумное объяснение напрашивается только одно, и оно связано не столько с влиянием внешних факторов, сколько с давлением внутренних обстоятельств. После кончины Ким Чен Ира, который жестко держал в кулаке всех высших сановников, при более слабом и малоопытном руководителе развернулись проходившие до этого подспудно процессы *перебалансировки основных сил и групп влияния*. В итоге можно констатировать, что военная верхушка при поддержке

руководства оборонного комплекса, заинтересованная в продолжении и даже усугублении конфронтации с внешним миром ради укрепления своего статуса в государстве, одержала верх над более умеренными функционерами, выступавшими за «разумную достаточность» в обороне и ускоренное развитие гражданского сектора экономики.

В связи с этим можно сказать, что *подлинными хозяевами и управленцами страны в настоящее время являются армейская верхушка и руководство военно-промышленного комплекса*. Именно они навязали стране и, главное, ее высшему руководству идею о необходимости уже не столько ритуально «консервативного», но открытого, постоянного, демонстративно-авантюрного противостояния «врагам» – США, Японии и Южной Кореи. Из этого вытекает другой фундаментальный постулат северокорейской политики – отказ от любых мирных переговоров, которые могли бы затрагивать вопрос о сокращении военного потенциала страны, в особенности ракетно-ядерного.

Следует заметить, что на VII съезде ТПК выдвигавшиеся ранее Ким Чен Ир идеи «сонгун» – военно-ориентированной политики, прозвучали теперь не так выпукло, как в прошлом. Помимо того, было заявлено об усилении руководящей роли партии. Возрождение статуса партии и повышение роли партийных функционеров говорят о стремлении лидера в равной мере использовать обе силы (и партию, и военных) в качестве приводных ремней режима. Вполне вероятно, что «гражданское» окружение Ким Чен Ына действительно предприняло попытку создать противовес безудержному доминированию военного блока в жизни страны. Однако последующее развитие ситуации к КНДР наглядно показали, что эти намерения так и не воплотились в дела. Важно к тому же иметь в виду, что *не менее половины ведущих подразделений центрального аппарата ТПК* в той или иной степени причастны к строительству и проведению политики в военной области либо занимаются обслуживанием армии и оборонных отраслей промышленности, являясь таким образом одной из ветвей ВПК.

Экономические реалии при администрации Ким Чен Ына

Объективности ради следует отметить, что в партийных и государственных документах последних лет наряду с задачами развития ракетно-ядерной отрасли содержится также призыв к осуществлению экономического строительства. Учитывая крайне ограниченные финансовые, материальные, технологические и кадровые возможности северокорейского экономического потенциала, вполне очевидна нереалистичность курса на одновременное движение сразу по двум трекам.

Фактом остается то, что основные производственные фонды физически и морально изношены, в стране ощущается острейший дефицит топлива, сырья и электроэнергии, а главное – инвестиций и технологий, что вызвано как внешним санкционным режимом, так и отсутствием нормального законодательства, привлекательного для иностранного капитала. Наглядный пример: в КНДР, по некоторым данным, создано до 24 «экономических зон», но ни в одну из них средства из-за рубежа так и не потекли. Вполне понятно, что никто не стремится вкладывать средства в страну с колоссальными экономическими рисками, непрозрачной системой управления, неясными политическими перспективами и заявляющую о готовности к тотальной войне с «внешними врагами».

В этой связи обращает на себя внимание то, что ряд российских и зарубежных исследователей в последнее время все более уверенно начинают рассуждать об искусной экономической политике квазирыночного типа, якобы проводимой Ким Чен Ыном, которая будто бы уже приносит положительные результаты в плане широкого оживления хозяйственной деятельности, решения продовольственной проблемы и повышения жизненного уровня населения.

Ссылаются, например, на более лояльное отношение Ким Чен Ына к частному бизнесу; осуществление аграрной реформы, заключающейся в переходе к семейному подряду; перевод государственных предприятий на хозрасчет, благодаря чему они якобы получили значительную самостоятельность и теперь строят отношения между собой «на рыночной основе».

Особенно завышенные оценки вызывают преобразования в Пхеньяне, где возводятся новые, внешне привлекательные жилые кварталы, открываются рынки, «частные» рестораны, излюбленные иностранцами, а также сауны, магазинчики с китайскими товарами и другие предприятия сферы обслуживания.

Начнем с того, что Пхеньян давно уже превращен правящим режимом в город-витрину, призванную продемонстрировать мнимое благополучие рядовых корейцев. Такова обычная практика авторитарных режимов по поддержанию привлекательного облика своих столиц, которой следовали в свое время такие страны, как Советский Союз и Румыния. В противовес этому жизнь в северокорейской провинции рядовых граждан и даже бюрократии низшего звена крайне тяжела и не меняется к лучшему.

Акцент на значительный рост зарплат, на что обращают внимание многие исследователи, не учитывает явный или скрытый рост цен на продовольствие и товары первой необходимости, что (для большинства населения) полностью съедает все возможные дополнительные доходы. Добавим к этому, что для страны с нерыночной экономикой и отсутствием достоверной статистики вообще практически невозможно просчитать динамику макроэкономических показателей.

В связи с этим следует обратить внимание на то обстоятельство, что в официальных материалах, посвященным хозяйственному развитию, поднимаемые вопросы всегда излагаются весьма обтекаемо и туманно. Ни о каких крупных долгосрочных государственных программах в экономической сфере, если отбросить пропагандистскую демагогию, представление получить невозможно. Складывается впечатление, что за пределами определенных тактических комбинаций и полумер, призванных заткнуть наиболее зияющие «дыры», власти попросту не имеют представления, что надо делать, чтобы экономика хоть как-то развивалась, да еще в условиях санкционного прессинга.

Проблема состоит не только в отсутствии креативных идей. Фундаментальной проблемой является то, что в силу отсутствия адекватного образования и профессионального опыта, а также неспособности освободиться от догматов доморощенной «теоретической подготовки», ни Ким Чен Ын, ни его ближайшее или более отдаленное окружение не способны ориентироваться в современной экономике. Нынешнее поколение северокорейской управленческой верхушки, как и их родители, всю жизнь провели в изолированной стране, где по определению не могли получить нормальных экономических знаний. Их опыт и практические действия – это чистое администрирование и подача команд, невыполнение которых чревато наказанием. Другими навыками этот тип руководителей просто не обладает.

Кроме того, большинство старых специалистов, обучавшихся плановой экономике в СССР, Восточной Европе, а также в Китае, в прошлый период были ошельмованы, а те, кто уцелел – сходят со сцены. Качество же нынешнего северокорейского экономического образования, которое в течение десятилетий формировалось в отрыве от передового международного опыта, едва ли позволяет надеяться на приток в народное хозяйство страны и систему управления квалифицированных кадров. Соответственно, в КНДР не осталось компетентных людей, которые могли бы дать объективный анализ состояния дел в народном хозяйстве в целом и при наличии политической воли руководства взяться за решение проблем макроэкономического уровня даже в рамках прежних «социалистических» принципов и подходов, не говоря уже о большем.

Последнюю реальную попытку осуществить экономический прорыв предпринял Ким Чен Ир на рубеже 2002-2004 гг. с помощью управленческих нововведений, получивших название «Меры по совершенствованию системы управления социалистической экономикой».

Однако даже в условиях нейтрально-благожелательного внешнего окружения и отсутствия проблем, связанных с ракетно-ядерными программами, при нормализации отношений с Югом надежды на получение внешнего содействия намечаемым

мероприятиям себя не оправдали, и план ограниченных преобразований (слово «реформа» в КНДР не использовалось никогда) провалился. Главный автор проекта – руководитель Государственного планового комитета и заведующий экономическим отделом ЦК ТПК Пак Нам Ги – был репрессирован и исчез с политической арены.

Поэтому все, что происходит сейчас в социально-экономической жизни КНДР и выдается за гениальные решения нынешнего вождя, является попросту попытками в той или иной мере воспользоваться теми хозяйственными методами и схемами руководства, которым пытались найти применение еще 15 лет назад для преодоления затяжного хозяйственного кризиса.

Начиная со второй половины 90-х годов и вплоть до сегодняшнего времени ключевой проблемой государственного сектора экономики и социальных отраслей является тотальное ослабление самого государства, которое уже не в состоянии осуществлять задачи рационального управления и контроля в подведомственных сферах. Правильная оценка данной ситуации дает ключ к пониманию всего происходящего сейчас в Северной Корее и воспринимаемого внешними наблюдателями как «попытки внедрения консервативных реформ».

Дело в том, что в условиях постепенной, но необратимой деградации административной, финансовой, ресурсной, интеллектуальной базы государства, а также развала национальной распределительной системы центральная власть в лице партийных органов, министерств и ведомств объективно была вынуждена ужать сферу своей ответственности перед страной и своего непосредственного присутствия, прежде всего в социально-экономической области. То есть государство уже не могло, к примеру, как в прошлом, обеспечивать всю промышленность сырьем, топливом, материалами, а гражданское население – продуктами питания, одеждой, жильем. Поэтому ситуация в этой области попросту была пущена на «самотек». Именно в этом и состояла суть самого главного «преобразования», которое способны были провести нынешние руководители.

Негласное и нигде не афишируемое взаимопонимание между государством и обществом выражается в следующем: юридические (предприятия) и физические лица ищут выход из сложного материального положения самостоятельно и в меру своей изобретательности, а партия и госаппарат закрывают на это глаза и не вмешиваются.

При этом негласно допускается даже отход от некоторых базовых «социалистических принципов» (возможность коммерческой деятельности, смягчение плановой системы в экономике, допущение «паразитических» видов обогащения – спекуляция, ростовщичество). Фактически единственной «священной коровой» остаются политические и идеологические устои режима – любые попытки посягательства на это караются жестко и без промедления.

В итоге, под прямым контролем и попечительством государства остаются ключевые структурообразующие предприятия базовых отраслей (энергетика, транспорт), объекты военно-промышленного комплекса, а также производства, выпускающие экспортную продукцию, способную приносить прибыль в твердой валюте. Собственно говоря, этими моментами «преобразовательская» деятельность Ким Чен Ына и его сподвижников пока и исчерпывается.

Реакцией на данные «послабления» как раз и стал подъем квазирыночной стихии, слабо регулируемой государством, но допускаемой в тех пределах, которые не создавали угрозы общей дестабилизации ситуации в стране.

В КНДР еще с начала нулевых годов допускается создание небольших частных предприятий, однако никакой законодательной базы под эти начинания подведено не было, то есть они при необходимости могут быть произвольным порядком запрещены. Как правило, состоятельные люди дают взятки чиновникам, чтобы получить право на создание бизнеса, который они ведут фактически, но никаких юридических прав на него не имеют. Неофициальные предприятия обычно создаются под прикрытием соответствующих министерств, которые формально и являются собственниками подобных компаний. Затем эти

предприниматели обычно платят чиновникам солидную часть своей прибыли.

Еще одна возможность получения «вознаграждения» коррумпированными чиновниками кроется в особенностях внутреннего законодательства КНДР, встречающего гражданам покидать районы их постоянного проживания без получения соответствующего согласия властей. Поскольку же нормальное ведение бизнеса невозможно без постоянных поездок по стране и в Китай, то оформление соответствующих разрешений становится дополнительным финансовым подспорьем для бюрократии и одновременно способствует укреплению смычки между лицами, заинтересованными в успехе данных операций.

Другой вид широко практикуемого «промысла» – создание магазинчиков и мелких производств за счет хищений с государственных предприятий и даже военных складов – естественно, при условии создания преступных связей между «бизнесменами», руководством соответствующих пунктов хранения продовольственных и материальных ресурсов, а также представителей «силовых» органов власти, покрывающих эти злоупотребления или прямо участвующих в них. Складывается практика, когда вокруг крупных производств сплетается целая сеть паразитических «деловых структур» (торговых, транспортных и иных), которые процветают за счет подобных форм «предпринимательства».

Иными словами, северокорейский частный сектор, в котором, по разным оценкам, трудится до 40% активного населения – это тeneвая, по сути нелегальная, а подчас и преступная экономика, которая переводит стрелки развития страны от коммунистической плановой экономики к «кумовскому» капитализму в его самых неприглядных формах.

Главная же проблема современной Северной Кореи состоит в том, что складывающиеся в ней экономические отношения не обеспечивают экономического роста, приращения экономического потенциала страны на наиболее важных направлениях, но фактически отбрасывают хозяйственную жизнь в область архаики. На практике даже небольшое увеличение

производства товаров и услуг сопровождается перераспределением и без того скудного национального дохода в пользу новоявленных нуворишей и властвующей бюрократии. Последние, таким образом, обогащаются за счет основной части бедствующего населения Северной Кореи, изымая у нее дополнительный материальный ресурс.

Таким образом, то, что наблюдается в Северной Корее, является уже не просто застоем, а разворачивающимся процессом загнивания и разложения экономического потенциала страны. Именно этот фактор в перспективе может сработать как «пусковой механизм», способный привести к дезорганизации всей жизни страны, включая на определенном этапе и сферу политической власти.

Суть проблемы состоит в том, что действующий режим не может, не хочет, и даже не знает, как включить механизмы государственного и общественного саморазвития так, чтобы это сделало возможным постепенный и мягкий переход к более рациональной и жизнеспособной системе, способной создать эффективный экономический и административный механизм, повышающий благосостояние широких слоев граждан.

Фактически единственной областью «промышленно-технического творчества» остается военная отрасль, направленная на создание и укрепление ракетно-ядерного потенциала. В этих условиях обеспечить результативность заявленной стратегии «и пушки, и масло» северокорейскому руководству явно не по силам.

Вопрос, следовательно, упирается в категорическое нежелание властей, продолжающих держаться за своеобразно понимаемые «социалистические ценности», осуществлять глубокие рыночные реформы, откладывая их, насколько возможно. Причина – параноидальная боязнь породить «эффект домино», при котором из рук правящего режима могла бы ускользнуть сначала экономическая, а затем и политическая власть.

Коль скоро это так, политика, нацеленная на удержание всей власти в КНДР в руках узкого слоя малокомпетентной

элиты, сохранение курса на поддержание изолированности и внешней закрытости страны, ее милитаризацию, делают Северную Корею крайне опасной страной для соседей по региону. Хотя бы в силу непредсказуемости возможных политических, военных и иных устремлений абсолютно неконтролируемой правящей верхушки, живущей произвольно формируемыми, оторванными от реальности представлениями о собственном положении, о внешнем мире и правилах цивилизованного поведения в нем.

II. ИЕРАРХИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ КНДР В НОВОМ СТАТУСЕ САМОПРОВОЗГЛАШЕННОЙ ЯДЕРНОЙ ДЕРЖАВЫ

Наиболее характерные особенности политики КНДР последних двух-трех лет по сравнению с предшествующим периодом состоят в том, что, отказавшись от прежних ограничителей периода пребывания у власти Ким Чен Ира, Пхеньян запустил на полную мощь программу создания и совершенствования ядерно-ракетного оружия. Эта деятельность, опасная для соседних держав и самоубийственная для самой КНДР, теперь поддерживается всеми имеющимися у государства ресурсами и возможностями.

Интенсивность осуществления ракетных пусков и ядерных испытаний многократно возросла после принятия тоталитарным режимом курса на всемерное укрепление и развитие потенциала КНДР в этих областях военного строительства. С другой стороны, провозглашение, а также юридическое закрепление в Конституции и других основополагающих документах ядерного статуса страны, и практическая реализация данного курса неизбежно вели к росту изоляции Северной Кореи в международном сообществе.

В результате в условиях усиливающейся агрессивности поведения Пхеньяна ограничиваются возможности для ответственных держав вести предметные переговоры в тех параметрах, которые оговаривает КНДР, оставляя свой статус ядерного государства вне рамок повестки переговоров. Между

тем категорический отказ северокорейцев обсуждать вопросы ядерного разоружения с кем бы то ни было минимизирует вероятность субстантивных контактов, поскольку только урегулирование этой проблемы могло бы стать прологом для диалога по любым другим темам как двустороннего, так и регионального характера.

Серьезные подвижки произошли и в сфере внешнеполитической деятельности. Официальное закрепление ядерного статуса КНДР и все последующие шаги, по сути, обозначили переход внешней политики из разряда самостоятельного и важного направления деятельности государства в категорию вспомогательной, второстепенной активности, призванной обеспечивать и прикрывать стратегию государства в военно-оборонной сфере. Начиная с попыток оправдания на международной арене ракетно-ядерных авантюр и закачивая усилиями по получению страной необходимых материальных ресурсов (желательно, на льготной или безвозмездной основе), включая материалы и товары двойного назначения для использования в военной отрасли.

С другой же стороны, северокорейские лидеры превратили свои ядерные упражнения и претензии на собственную непредсказуемость в «рабочие инструменты» внешней политики, тем самым еще более усугубляя ее подчиненную роль в рамках стратегии «ядерного сдерживания».

В последний период мы наблюдаем очевидные признаки деградации ситуации вокруг Северной Кореи.

- Начиная с 2013 г. Северная Корея провела 4 ядерных испытания, причем мощность подрываемых устройств неуклонно увеличивалась. Нет гарантий того, что эта практика прекратится. В официальных заявлениях Пхеньяна неизменно утверждается, что страна продолжит количественное наращивание и качественное совершенствование ядерного оружия. Поэтому можно ожидать проведения новых испытаний.

- Заметно расширились программы проведения пусков баллистических ракет. Если в период правления Ким Чен Ира такие испытания носили разовый характер и были в основном

призваны привлечь внимание к ракетным возможностям КНДР, то в последние годы ситуация резко изменилась. Начиная с 2016 г., Пхеньян приступил к массовым испытаниям ракет различных классов и модификаций.

Вместо пусков ракет на жидком топливе со стабильных платформ, которые весьма уязвимы еще на стадии подготовки к пуску, основной акцент был сделан на разработку и испытание ракет, использующих твердое топливо, а также ракет, запускаемых с мобильных установок. Смысл – максимально ускорить подготовку к запуску, сделав его как можно более скрытным и неожиданным для противника. В 2016 г. состоялось 24 пуска, а в текущем году – уже 19 (на конец декабря). Все эти мероприятия можно расценить как переход к активной фазе создания наступательного ракетного потенциала.

- Существенно усилилась враждебная агрессивная риторика со стороны КНДР. Пхеньян отказался от проявлений какой-либо вербальной сдержанности при трансляции своих милитаристских угроз, что в большей степени характерно для предвоенного времени, чем для мирного.

Северокорейский МИД в своих заявлениях и официальная пресса открыто угрожает превратить в пепел не только Южную Корею, но и другие страны, которые резко критикуют политику Пхеньяна – Японию и даже Австралию. Открыто говорится о планах нанесения ядерных ударов по континентальной части США, о. Гуам. Речь, скорее всего, идет о крупномасштабном политическом блефе, но даже если это так, уровень напряженности и в этом случае серьезно возрастает.

- Отношения между Югом и Севером сейчас находятся на самой низкой точке за все последние десятилетия. Прерваны все каналы, практически не существует механизмов коммуникаций по военной или гуманитарной линии для предотвращения внезапных конфликтов или инцидентов.

- На данном этапе попытки соседних стран убедить КНДР отказаться от опасной политики, сочетающие методы давления и убеждения, пока не приносят результатов. В частности, президент Трамп признал, что попытки Китая оказать воздействие на КНДР фактически провалились. Пхеньян во

внутренней пропаганде критикует Китай за соучастие с США в принятии последней санкционной резолюции СБ ООН. С другой стороны, сам Вашингтон не решается и признал нецелесообразным без крайней необходимости применять меры силового воздействия против КНДР, учитывая непредсказуемые последствия.

- Одна из главных проблем заключается в том, что КНДР, со своей стороны, не предлагает никаких решений, ведущих к решению ракетно-ядерной проблемы или, по крайней мере, к ее замораживанию. Когда Ким Чен Ир в последний раз посетил Россию в августе 2011 г., он, хотя и неохотно, но согласился с идеей продолжения переговоров в шестистороннем или ином приемлемом для всех сторон формате по вопросу ядерного урегулирования.

Если прежний лидер в значительной мере использовал ракетно-ядерный «товар» как предмет торга со своими оппонентами, о чем, в частности, свидетельствует факт участия КНДР в шестисторонних переговорах, то для Ким Чен Ына демонстрация агрессивности представляется самоцелью.

Складывается впечатление, что ни в какие диалоги и мирные соглашения с США и другими оппонентами Пхеньяна северокорейский лидер не верит, поэтому в своей политике делает основной акцент на то, чтобы всячески поддерживать имидж Северной Кореи как «опасной державы», которая готова пойти на все ради своей выживаемости, что периодически подкрепляется провокационными акциями. При этом «высший руководитель» берет на вооружение довольно примитивную по своей сути тактику противоборства: «не трогайте нас – мы непредсказуемые. Если заденете, будет большой ад, а если учтете мои интересы, то обойдетесь малым адом».

Соответственно, категорически отвергается идея многосторонних или иных переговоров, целью которых была бы договоренность о демонтаже ракетно-ядерного потенциала. Напротив, делаются заверения, что работа по его укреплению будет продолжена в обозримой перспективе. Единственное, о чем Пхеньян готов говорить с США – это отказ от так называемой

враждебной политики, что может побудить Пхеньян к некоторой сдержанности.

При этом подразумевается, что Вашингтон должен будет прекратить все военные учения в районах, прилегающих к Корейскому полуострову, отказаться от пролетов и проходов американских носителей ядерного оружия вблизи границ КНДР, а в конечном итоге – вывести свои войска из Южной Кореи, заключить с Пхеньяном мирный договор и «гарантировать» северокорейскому режиму безопасное существование. В этом случае предполагается, что КНДР могла бы пойти на определенные послабления, например, ввести мораторий на ракетные и ядерные испытания.

Однако проблема состоит в том, что даже такие гипотетические и практически немислимые уступки со стороны США вовсе не стимулируют КНДР к отказу от ракетно-ядерного потенциала, который рассматривается как единственная гарантия безопасности и выживания страны в условиях неблагоприятного международного окружения. Демагогически заявляется, что КНДР будет готова к денуклеаризации лишь при условии запуска и по мере продвижения процесса глобального ядерного разоружения.

Излюбленный тезис западных политиков, который, кстати, никогда не опровергается официальными источниками в Пхеньяне, состоит в том, что Ким Чен Ын – шизофреник, который может действовать неадекватно и способен на иррациональные шаги, характер которых невозможно заранее просчитать. Эта мысль вроде бы подтверждается самыми различными свидетельствами – слухами о свирепой расправе со своими соратниками внутри страны, а во внешней области – показом по северокорейскому телевидению постановочных видеороликов с демонстрацией возможностей нанесения ядерных ударов по американским городам или авианосцам.

Отношение к деятельности северокорейского лидера в числе других наиболее артикулировано озвучил сенатор Дж. Маккейн, заявивший о том, что «нам приходится иметь дело с человеком, не способным мыслить разумно, и от которого

поэтому можно ожидать всего».¹ Подобные оценки в последнее время прочно утвердились в качестве общего взгляда руководителей западного мира на личность северокорейского лидера.

Немногочисленные оппоненты этой точки зрения возражают: полагая Ким Чен Ына шизофреником, его явно недооценивают. В подтверждение этого аргумента они напоминают, что еще столетия назад многие деспотичные властители поняли, что, если в глазах врагов предстать в образе патологически непредсказуемого, это может принести неплохие преимущества, что, к примеру, оправдывало бы любые, самые отвратительные действия. Еще Макиавелли писал, что прикинуться безумцем, «непредсказуемым» лидером – это может оказаться весьма мудрой выигрышной политикой.

Соответственно, ряд аналитиков полагают, что считать Ким Чен Ына подобным руководителем – просто играть ему на руку.

Эта точка зрения, в частности, аргументируется тем, что новый лидер, несмотря на крайне неблагоприятные для него обстоятельства элиты, и изначально пессимистические для него прогнозы, сумел удержаться у власти уже почти шесть лет. К этому следует добавить, что ему удалось основательно «почистить» кадровые ряды и жестко расправиться с теми влиятельными представителями высшей элиты, которые сомневались в его праве управлять страной (конечно, если предположить, что сам Ким Чен Ын и был средоточием внутреннего террора, и его деятельностью не направляла более опытная и сильная рука).

Несмотря на международные санкции, колоссальные расходы на оборону, отсутствие реальных предпосылок для нормализации дел в социально-экономической сфере, Пхеньяну пока удается удерживать ситуацию «на плаву», прежде всего

¹ https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/north-koreas-leader-is-a-lot-of-things--but-irrational-is-not-one-of-them/2017/03/25/67b458d8-0da8-11e7-aa57-2ca1b05c41b8_story.html?tid=a_inl&utm_term=.be138eedb4c8

избежать коллапса экономики. По крайней мере, случаев массовой гибели от голода, как это происходило в середине 90-х годов прошлого века, не наблюдается. При этом режиму одновременно удается каким-то образом аккумулировать денежные средства для незаконной закупки за рубежом технологий, узлов и компонентов, необходимых для интенсивного продолжения своих ракетных программ.

Примечательно, что у серьезных экспертов в США, причем достаточно высокого уровня, мнение в отношении личности Ким Чен Ына и плодов его деятельности начинает постепенно меняться, хотя делается это с большой долей осторожности. Так, глава национальной разведки Д. Коутс замечает, что, хотя поведение Ким Чен Ына, которое тот демонстрирует на публике, дает основание для некоторых вопросов, «наша оценка состоит в том, что, принадлежа к очень необычному типу людей, он не сумасшедший». При этом Коутс, подчеркнул, что США считают, что действиями Ким Чен Ына движет «стремление выжить» любыми средствами.²

Тем не менее, важно понимать, что, если корейский руководитель и не заслуживает экстремальных оценок, то это вовсе не значит, что принимаемые им и его окружением решения являются оптимальными или рациональными для Пхеньяна. Иными словами, он не сумасшедший, но и не великий стратег, поэтому было бы наивностью пытаться угадать в его действиях на внешней арене или в военной области намеки на какие-то глубоко обдуманные, мудрые многоходовые комбинации, сулящие очередные победы и проигрыш врагам. В окружении Ким Чен Ына также никак не просматривается наличие деятельных мудрецов.

Сподвижники нынешнего лидера – это довольно ординарные люди, слабо владеющие ситуацией и способные организовывать лишь однократные устрашающие акции. Северокорейская политика в отсутствие новых умов и гибко мыслящих стратегов выдохлась настолько, что каких-то

² Ibidem

креативных, неординарных идей и действий от нее ожидать трудно, помимо традиционно прямолинейных ходов, рассчитанных на запугивание соседних стран.

Главный просчет северокорейской элиты при включении «ядерной статьи» в Конституцию и развертывании обширной программы ракетно-ядерных испытаний состоял в том, что Пхеньян вольно или невольно сам способствовал переводу давно тлеющего конфликта на полуострове из латентной ситуации в «горячую» стадию.

Если на авантюристические действия Ким Чен Ира мир смотрел в общем-то сдержанно осторожно, а то и иронично, как на причуды скучающего диктатора, который таким образом требовал к себе внимания, то активность нынешнего режима в ракетно-ядерной сфере воспринимается как крайне опасная, таящая угрозу для значительной части АТР.

Наученные горьким опытом ИГИЛ и других террористических организаций, обосновавшихся на Ближнем Востоке, не только западные лидеры, но и руководители азиатских государств не без определенных оснований видят в вызывающей деятельности КНДР перспективу появления теперь уже в США непредсказуемого государства, способного вступить в альянс с террористическими образованиями, который будет напористо пытаться диктовать соседствующим государствам свой образ политического мышления и действий. Учитывая уже существующие проблемы с исламскими террористами (например, в Китае и на Филиппинах), а также наметившийся приток в регион экстремистов с Ближнего и Среднего Востока, новые вызовы, связанные с распространением ядерного оружия, вызывают в региональных элитах протест. В итоге северокорейские стратеги пренебрегли шансом для «мягкой посадки» северокорейского режима на более или менее почетных условиях отказа от ядерного оружия, и своими агрессивными действиями лишь способствовали ухудшению внешнеполитического положения страны.

При том, что рецептов выхода из кризиса на условиях разумного компромисса в настоящее время не просматривается,

международная атмосфера для КНДР постоянно ухудшается, а пространство для внешнеполитического маневра Пхеньяна неуклонно сжимается.

По сути, Ким Чен Ын не слишком преувеличивал, заявив после пуска МБР 4 июля 2017 г., что это событие изменило как геостратегическую позицию КНДР, так и политическую структуру мира. Однако подлинный вызов для Северной Кореи состоит в том, что опасения международного сообщества в отношении государства, которое связывает свою внешнюю политику исключительно с проявлением непредсказуемой агрессивности, теперь начинают подтачивать нежелание применять к Пхеньяну чрезвычайные меры в целях купирования его неприемлемой военно-политической активности.

В целом же можно прийти к выводу, что в течение не слишком продолжительного срока пребывания у власти нынешнего режима ему удалось раскрутить огромный маховик деятельности, который теперь, с одной стороны, весьма трудно остановить, а с другой – избежать неизбежных негативных последствий за эту авантюрную игру.

В связи с заявленным руководством КНДР курсом на укрепление ракетно-ядерного потенциала и интенсификации соответствующих испытаний и иных подобных шагов, Ким Чен Ыну, образно говоря, нужно как велосипедисту постоянно «крутить педали», чтобы избежать падения. Иными словами, ему нужно постоянно практическими действиями подтверждать, что Пхеньян – крайне опасный игрок, и его нужно бояться, идти на какие-то уступки. Курс на «гибридную эскалацию», избранный Ким Чен Ыном и его окружением – это не что иное, как попытка предельно экстремистскими, шокирующими действиями напугать Запад, чтобы тот согласился на приемлемые или даже благоприятные для КНДР условия выхода из кризиса.

Но одновременно с этим возникают опасения, что правящая в КНДР элита, в конечном счете, «истоцит» страну материально и морально раньше, чем добьется своих сомнительных внешнеполитических целей – признания мировым сообществом своего ядерного статуса и права таким образом

«втиснуться» в ряды государств, в большей или меньшей степени определяющих вектор, если не мирового, то регионального развития.

Иначе говоря, ресурсное истощение и изматывание в ракетно-ядерной гонке может стать тем естественным ограничителем, который теоретически способен «обрушить» страну, а в более щадящем варианте – вынудить ее отказаться от безудержного наращивания своих смертоносных сил. Остается надеяться, что реализация одной из этих опций (желательно, последней) как раз и окажется той отправной точкой, за которой последует процесс реального демонтажа всей выстроенной Пхеньяном военной пирамиды, несущей угрозу народу самой этой страны и всему миру.

III. ОТНОШЕНИЯ США И КНДР ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА

Северная Корея является одной из приоритетных в списке американских внешнеполитических озабоченностей еще с начала 90-х годов, когда возникли проблемы взаимоотношений между Пхеньяном и МАГАТЭ с перспективой выхода этой страны из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Они неуклонно ухудшались с 2005 г., когда КНДР объявила себя де-факто ядерной державой, а впоследствии подкрепила эти претензии проведением ядерных, а также ракетных испытаний, выступив уже при нынешнем лидере страны с прямыми военными угрозами в адрес США.

Однако за четвертьвековую историю, несмотря на вариативность подходов в отношении КНДР последовательно меняющихся правящих в США администраций, никаких положительных результатов в решении проблемы ядерного урегулирования достигнуто не было. Более того, с активизацией в 2015-2017 гг. усилий Пхеньяна по развитию и совершенствованию своих ракетно-ядерных программ концентрация рисков на Корейском полуострове еще более

возросла. Можно сказать, что в последние годы угроза со стороны Пхеньяна, а также опасность военного конфликта из разряда сугубо гипотетических проблем переместились в категорию актуальных, требующих серьезного экспертного анализа с проработкой реальных мер противодействия.

Придя в Белый Дом, Д. Трамп начал свою деятельность на корейском направлении с жесткой критики своего предшественника. По его оценкам, политика «бездействия», которой якобы придерживался Б. Обама, привела к тому, что за годы его президентства Северной Корее фактически безнаказанно удалось далеко продвинуться в разработке баллистических ракет и ядерного оружия.

Весомая доля правды в этих обвинениях имеется. Б. Обама в отношении Северной Кореи предпочитал действовать крайне аккуратно и осторожно, чтобы возможными резкими шагами не допустить перехода ситуации в неконтролируемое русло. Фактически он ничего не пытался решать и, несмотря на явно авантюрные шаги КНДР, стремился все отложить «на потом». Суть политики «стратегического терпения», которую прочно ассоциируют с именем упомянутого американского президента, как раз и состояла в том, чтобы, насколько возможно, противостоять северокорейским провокациям, но не браться за урегулирование проблемы в целом.

Как известно, Д. Трамп и деятели его администрации вскоре после инаугурации выступили с рядом заявлений, смысл которых сводился к тому, что политика «стратегического терпения», проводившаяся Б. Обамой на протяжении многих лет, полностью исчерпана, и Вашингтон предпримет решительные шаги, чтобы в сжатые сроки обуздать ракетно-ядерные амбиции Пхеньяна. В таком ключе новый президент США обсудил данный вопрос с китайским лидером Си Цзиньпином во Флориде в начале апреля 2017 г., в расчете на то, что Пекин сможет оказать должное воздействие на своего непредсказуемого соседа.

Действия северокорейцев, которые в указанный период провели испытания целой серии боевых ракет различных классов, прибавили решимости американской стороне, которая ускорила

проработку различных вариантов реагирования и «встречных мероприятий». В их числе: возможность нанесения ракетно-бомбовых ударов по военным объектам в КНДР с использованием тяжелых бомбардировщиков, базирующихся на Гуаме и «Томагавков» с кораблей ВМС США в зоне Тихого океана; проведение спецопераций для уничтожения и повреждения северокорейской военной инфраструктуры, а также кибератак; захват или «смещение» северокорейского военно-политического руководства силами спецназа.

В качестве одной из опций обсуждалась целесообразность повторного развертывания американского тактического ядерного оружия на территории Южной Кореи (было выведено оттуда в 1991 г.). Эти шаги вызвали серьезную реакцию, прежде всего в лагере ближайших союзников США по региону. В Сеуле потребовали заверений в том, что гипотетические силовые акции против Пхеньяна будут предприняты только после консультаций с РК и в случае ее согласия. В официальном Токио заговорили о необходимости срочной эвакуации своих граждан из Южной Кореи и высказали опасения, что реакцией КНДР на действия США могут стать ракетные удары по территории Японии с применением химического оружия. С другой стороны, китайские представители дали понять, что Пекин никогда не допустит возникновения военного конфликта на Корейском полуострове, кем бы это ни замышлялось.

Примечательно и то, что против силовой акции решительно выступили американские военные деятели нынешней и прошлых администраций – как демократической, так и республиканской. Бывший министр обороны Л. Панетта предупредил, что излишне жесткая риторика и угроза применения силы могут привести к опасной эскалации напряженности. Аналитики Минобороны указывали, что в отличие, скажем, от «сирийского опыта», Пентагон не имеет ясного представления о расположении опасных объектов северокорейской военной инфраструктуры. Причем даже уничтожение некоторых из них едва ли приведет к уменьшению рисков, а Северная Корея при любом раскладе

сохранит потенциал для нанесения ответного удара по территории Южной Кореи, чреватого неприемлемыми потерями.

В итоге, вероятно, под воздействием этой аргументации, Вашингтон был вынужден снизить накал риторики. Госсекретарь Р. Тиллерсон в своих комментариях заявлял, что, возможно, намерения Белого Дома были неправильно поняты, и речь лишь идет о необходимости усилить давление на Пхеньян для принуждения его к отказу от ракетно-ядерных амбиций.

В свою очередь, председатель объединенного Комитета начальников штабов генерал Дж. Данфорд заявил, что «сегодня обсуждение упреждающего удара по Северной Корее по меньшей мере преждевременно». По его утверждениям, Соединенные Штаты в настоящее время сконцентрированы на дипломатическом и экономическом давлении на режим Ким Чен Ына, чтобы заставить Северную Корею отказаться от своих пагубных намерений. «Военный аспект сегодня рассматривается нами только как средство поддержки дипломатических и экономических усилий, – подчеркнул Данфорд, – и мы в настоящее время занимаемся поиском мирного решения кризиса».³

Ситуация, таким образом, описав к осени 2017 г. очередной эскалационный виток, вернулась «на круги своя», нисколько не приблизившись к нахождению реальных сценариев разрешения проблемы безопасности на Корейском полуострове. Обратило на себя внимание и то, что на фоне вышеупомянутых шагов со стороны США представители КНДР на разных уровнях заявляли, что страна не откажется от осуществления ракетно-ядерных программ и применения «при необходимости» соответствующих вооружений против своих противников.

Все это побуждает исследователей как в самих США, так и в других странах к тому, чтобы более четко выявить истинные параметры северокорейской угрозы и определить адекватные способы реагирования на нее. Преимущество Пхеньяна на

³ <https://www.gazeta.ru/army/2017/08/17/10836002.shtml>

данном этапе состоит в том, что его оппоненты обладают ограниченной достоверной информацией.

Первое. Степень продвинутости ракетной программы.

Очевидно, что северокорейцы за последние полтора-два года решительно шагнули вперед, проведя испытания нового более мощного ракетного двигателя, а также тесты ракет на твердом топливе и тех, которые выстреливаются с установок мобильного базирования. Вместе с тем, вопрос о надежности этих систем, равно как и о гарантированной дальности полета, характере боезарядов остается открытым. Многие эксперты считают, что на данном этапе имеются серьезные проблемы с системами управления, а технологический уровень не позволяет реально работать над созданием межконтинентальных баллистических ракет.

Второе. Состояние ядерного потенциала. Северная Корея за все время провела шесть подземных ядерных испытаний, последнее – мощностью от 70 до 120 кТн. По оценкам специалистов, расщепляющегося вещества в стране достаточно для создания 10-16 ядерных боеприпасов. Помимо реально существующей плутониевой программы, с большой степенью условности предполагается наличие военной программы на базе высокообогащенного урана. В этом случае количество боезарядов могло бы возрасти до 30 единиц. Кое-кто из экспертов полагает, что их реальное количество может быть и вдвое большим. Однако помимо чисто «умозрительных» калькуляций нет никаких достоверных данных даже о том, удалось ли северокорейцам перейти от испытаний взрывных устройств к реальному производству боеприпасов, пригодных для использования в военных целях.

Третье. Производственно-технологический аспект.

Существенный вопрос – возможен ли в принципе при нынешнем техническом и технологическом уровне северокорейской науки и промышленности прогресс в деле создания компактной ядерной боеголовки для использования на баллистических ракетах большой дальности? Сами северокорейцы уверенно утверждают, что такой потенциал уже имеется, однако надежная верификация этих заявлений весьма затруднительна.

Для экспертов большая загадка кроется в том, чего добивается Пхеньян, вкладывая колоссальные и столь необходимые для страны ресурсы в развитие ракетно-ядерной отрасли. В общем-то, даже внятного списка претензий или конкретных предложений к своим внешним противникам у северокорейцев не имеется, если не считать туманное требование о прекращении «враждебной политики» США против КНДР, под которое можно подверстать все, что угодно.

Между тем как бы в полуофициальном порядке они утверждают, что даже в почти невероятном случае заключения мирного договора между Пхеньяном и Вашингтоном с обязательными гарантиями безопасности для Северной Кореи и ее нынешнего режима, страна сохранит свой статус ядерной державы. Избавление от этого потенциала предусматривается лишь в контексте глобальных усилий по всеобщему ядерному разоружению.

Коль скоро это действительно так, а не пропагандистская уловка, то возникает закономерный вопрос – о чем тогда вести переговоры с Пхеньяном, на необходимости которых настаивают сторонники мирного дипломатического урегулирования? В этих условиях довольно странной выглядит ситуация, когда миролюбиво настроенные внешние игроки из числа соседних стран при полном политическом бездействии и равнодушии Пхеньяна пытаются придумать за него и для него некую конструктивную программу внешнеполитических шагов, которая могла бы устроить нынешнее руководство КНДР.

Надо признать, что довольно неуклюжие попытки администрации Д. Трампа «в форсированном режиме» разрубить северокорейский узел оказались пока безуспешными. С американской точки зрения, не оправдались надежды и на активную помощь Китая, которому США обещали позитивные решения в области торгово-экономического сотрудничества при условии отказа от поддержки режима Ким Чен Ына.

Преимущества Трампа как государственного лидера состоит в том, что он, в отличие от Б. Обамы, меньше рефлексует, и, в принципе, при сопутствующих

обстоятельствах может пойти гораздо дальше своего предшественника. Проблема, однако, в том, что он со старта своей президентской карьеры в своих практических действиях ощущает давление конгресса и других сил, оказывающих влияние на политическую активность Белого Дома.

Помимо этого, эмоциональность, переменчивость взглядов и действий главы исполнительной власти зачастую становятся его слабыми сторонами. Президент уже с первых дней пребывания у власти и даже в предшествующий период всячески убеждал избирателей и политическую элиту, что сумеет быстро и эффективно решить северокорейскую проблему либо с помощью Китая и своих азиатских союзников, либо самостоятельно.

В сложившихся условиях начала проявляться специфика американской внешней политики, для которой важны не столько какие-либо действия лидеров других стран, сколько реакция общественного мнения в самих США на те или иные международные события. В итоге, Трамп попал в ловушку, которую сам же с энтузиазмом сооружал на протяжении всего первоначального периода пребывания у власти. Он настолько крепко связал свое имя со скорым и кардинальным решением корейской проблемы, что теперь любая попытка отступить от этой изначальной позиции была бы воспринята американцами (и гражданами других заинтересованных стран) как признание несостоятельности заявленного курса. А это, в свою очередь, привело бы к серьезному падению личного авторитета президента.

Что касается возможности переговоров, то, хотя этот вариант и упоминался госсекретарем Р. Тиллерсоном, пока он не рассматривается всерьез американским политическим истеблишментом, и в обозримой перспективе Вашингтон едва ли пойдет на какие-либо официальные контакты с Пхеньяном на солидном уровне (хотя сохраняется возможность продолжения закулисных контактов в той или иной форме).

В свою очередь Р. Тиллерсон заявлял, что обязательным условием переговоров США и других стран с КНДР должен быть отказ Пхеньяна от идеи обладания ядерным оружием.

Американский постпред в ООН Н. Хейли, ссылаясь на ракетные эксперименты КНДР, подчеркнула, что Пхеньян «быстро закрывает все возможности для дипломатического решения».⁴

Весь корень проблемы (чего, похоже, никак не могут понять в Пхеньяне) заключается в том, что в США время общественных дискуссий по политике в отношении Северной Кореи давно прошло. Оно истекло сразу после краха шестисторонних переговоров, которые показали полную бесперспективность и бессмысленность переговоров с властью, которой США не доверяют и не могут твердо договариваться о чем бы то ни было. В американском политическом и военном истеблишменте фактически достигнут широкий устойчивый консенсус в отношении Ким Чен Ына как неприемлемого партнера. В академических кругах США уже не считается хорошим тоном рассуждать о мирном договоре либо о некоем комплексном решении проблем Корейского полуострова вне привязки к вопросу о срочных мерах по купированию военной деятельности Пхеньяна.

Для большей части американской элиты режим в Северной Корее – это «абсолютное зло», которое можно только искоренить, не пытаясь заигрывать с ним. При этом все более вызывающие северокорейские угрозы активно работают на этот негативный имидж, заключающийся в том, что КНДР – это крайне опасная страна, с которой нельзя договариваться.

Думается, что изменить этот прочно сформировавшийся взгляд на события будет крайне трудно. Даже если представить, что в Пхеньяне со временем будут готовы пойти на какие-то компромиссные шаги, то в Вашингтоне это будет восприниматься как очередной обманный трюк ради получения временных тактических преимуществ.

Таким образом, после первых попыток администрации Д. Трампа с ходу добиться прогресса в решении северокорейских проблем, ей, по-видимому, придется заняться поиском более

⁴ <https://ria.ru/world/20170726/1499161695.html>

долгосрочных и инновационных решений. По всему видно, что до своего избрания на высший пост президент поверхностно представлял сложность и неординарность северокорейской проблемы, и, вероятно, слабо прислушивался к мнениям экспертов, имевших опыт взаимодействия с КНДР. Теперь эту работу придется начинать заново, но готовиться к ее решению придется путем наработки более фундаментальных аналитических выкладок и практических идей.

Главная задача для американской стороны на данном этапе, как представляется, состоит в том, чтобы вырвать стратегическую инициативу из рук КНДР и продемонстрировать, что Пхеньян еще не испытал на себе пределов жесткости, которая может быть к нему применена. Скорее всего, в ближайшем будущем правящей администрации придется лавировать где-то в промежутке между прежней обамовской стратегией «политического терпения» и политикой наращивания всестороннего давления на Северную Корею, дабы не создавать у нее иллюзию, что и в дальнейшем «все пойдет, так как было раньше». То есть КНДР продолжит следовать своим ракетно-ядерным амбициям, а в ответ последуют заявления протеста и очередные «пакеты» международных санкций, не оказывающих решающего воздействия на планомерное продолжение Пхеньяном своих военных программ.

В определенном смысле предыдущий период проявления «терпения» действительно подошел к концу, но весь вопрос состоит в том, что его заменит. В течение всей первой половины 2017 г. ситуация массированно подавалась таким образом: Пхеньян будто бы приблизился к созданию баллистических ракет-носителей ядерных боеголовок и буквально через три года сумеет создать снаряды, способные наносить удары по материковой части США.

Однако после проведенных КНДР в июле-августе 2017 г. пусков ракет, которые были анонсированы в Пхеньяне как «межконтинентальные», с чем мгновенно согласились и западные, прежде всего американские аналитики, общественное восприятие происходящего обострилось. Распространилась точка зрения, что КНДР готова к производству и развертыванию МБР

дальностью не менее 7-8 тыс. км, а потому будет способна атаковать американские города уже в 2018 г.

Следует, однако, оговориться, что эти данные вступают в противоречие с оценками российских экспертов, считающих, что страсти вокруг ракетной программы КНДР носят нарочито алармистский характер, а опасения американских военных по поводу степени продвинутости ракетной программы КНДР сильно преувеличены.

По мнению авторитетных специалистов, КНДР скорее всего, продолжает испытывать серьезные технические трудности с производством МБР (системы управления, точность наведения на цель, безопасное возвращение головной части в атмосферу, невозможность на данном этапе создать двигатель, работающий на твердом топливе). По оценкам российского Минобороны, вышеупомянутые ракеты, данные о которых, обнародованные северокорейцами, были сильно завышены, по общепринятой классификации относятся к категории средней дальности, что во многом ставит под сомнение калькуляции американских специалистов.

Администрации Д. Трампа все же пришлось несколько отыграть назад от прежней чрезмерно воинственной линии. Сказалось, видимо, и отсутствие четкой программы действий в отношении КНДР, а, с другой стороны, позиция пацифистки настроенного президента Южной Кореи Мун Чжэ Ина, который настаивал на приоритетности (наряду с мерами нажима) переговорного процесса с КНДР для решения всех имеющихся проблем.

Примечательны относящиеся к концу июля-началу августа 2017 г. заявления госсекретаря Р. Тиллерсона и ряда других американских политиков о том, что США не имеют целью смену правящего режима в КНДР, не заинтересованы в коллапсе этой страны и даже готовы наладить с ней отношения, когда она станет «нормальным государством», отказавшимся от обладания ракетно-ядерным потенциалом. Однако пока этого не произойдет, Вашингтон вместе с союзниками и ближайшими партнерами будет широко использовать тактику «мирного давления»,

подразумевающей принятие санкционного инструментария, жесткость которого будет зависеть от конкретных провокационных действий Пхеньяна, включая обязательство международного сообщества воздержаться от поставок в КНДР энергоносителей, прежде всего сырой нефти; сокращение торгово-экономического сотрудничества с Пхеньяном; ограничение морского, авиа- и железнодорожного сообщения.

В принципе все эти наметки не слишком отличаются от политики, проводившейся Б. Обамой, однако есть основания полагать, что Д. Трамп, взявший на себя личную ответственность за решение северокорейской проблемы, будет действовать в этих вопросах более напористо и решительно.

Впрочем, в официальном Вашингтоне никогда не отрицали и вероятность использования военной силы против КНДР при неких «чрезвычайных обстоятельствах». При этом смысл возможных мероприятий в данной области, по сути, никогда не раскрывался, и речь шла о том, что для Пхеньяна должны будут установлены некие «красные линии», которые тот не должен пересекать.

Конечно, это звучит несколько странно, поскольку за последний период времени Пхеньян успел уже неоднократно переступить через множество условных «линий», при этом фактически оставаясь безнаказанным. Вместе с тем, упомянутые высказывания свидетельствуют о том, что в Вашингтоне ведут интенсивную проработку вероятного применения военного сценария на Корейском полуострове. Вполне очевидно, что на смену описанным нами выше скороспелым вариантам военных операций приходят более закрытые и фундаментальные попытки осмыслить ситуацию, если ее развитие все же будет разворачиваться в русле военных, а не политических событий.

Это потребовало бы проработки не только чисто военных и военно-технических аспектов, но также определения внутренних и внешнеполитических условий, при которых «силовая акция» могла бы быть осуществлена.

В этом плане американцам понадобилось бы, в первую очередь, создание благоприятного регионального «политического климата» путем проведения предварительной работы с

соседними странами, прежде всего с Китаем и Россией. А сверх того – проработка вопроса о создании международной коалиции с целью обеспечения если и не прямой помощи, то по крайней мере моральной поддержки со стороны достаточно широкой группы союзников и партнеров в АТР. С другой стороны, безусловно, важен просчет возможных военных, политических, материальных и иных последствий на случай проведения ограниченной или более масштабной военной операции.

Следует учитывать, что помимо известной проблемы, связанной с вероятными ответными военными мерами со стороны Пхеньяна, существуют и дополнительные сложности, сопряженные с осуществлением гипотетической акции США против КНДР. Во-первых, это позиция Китая, который не единожды заявлял, что не допустит «войны и хаоса» на Корейском полуострове, а в случае серьезного обострения ситуации Пекин не будет забывать о своей «исторической ответственности».⁵

Во-вторых, при гипотетическом формировании международной коалиции против КНДР, Вашингтону будет нелегко найти твердых единомышленников для поддержки силовой акции. Восточноазиатские страны, естественно, осуждают провокации Пхеньяна, но вопрос о северокорейской угрозе, хотя и вызывает растущую озабоченность, все еще в значительной мере воспринимается ими (помимо Южной Кореи и Японии) как конфликт между США и КНДР, пока лишь гипотетически затрагивающий их жизненные интересы. К тому же, большинство из этих государств, дорожащих своей самостоятельной ролью в мировой политике, будет достаточно сложно организовать в какой-то пусть даже временный блок, подчиненный задаче проведения военной операции против одной из стран региона.

Естественно, может возникнуть вопрос о привлечении стран НАТО к участию или поддержке пока гипотетических военных планов США в отношении КНДР, однако подобный

⁵ <http://www.reuters.com/article/us-usa-northkorea-trump-meeting-idUSKBN19B2RR>

сценарий представляется трудноосуществимым в силу целого ряда причин, прежде всего геополитического фактора и неприятия большинством стран АТР вторжения европейцев в их зону ответственности.

Само собой разумеется, что в данном случае мы рассматриваем варианты, которые будут необходимы исключительно на случай подготовки Вашингтоном упреждающего (превентивного) и достаточно массированного удара по территории КНДР. В маловероятном случае неспровоцированной атаки Пхеньяна против США или их военных объектов все политические сложности с ответным использованием военной силы в отношении КНДР в значительной мере снимаются.

IV. КИТАЙСКИЙ ПОДХОД К СЕВЕРОКОРЕЙСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОБЛЕМЕ

После серии северокорейских ракетных и ядерных испытаний концептуальный подход Пекина к проблеме ядерного разоружения Пхеньяна в 2017 г. начал меняться. Китай вступил в *стадию перехода* от пассивной политики, делавшей акцент на наблюдение за ситуацией и декларацию «мирного варианта» решения проблемы, к более активной, предусматривающей санкционное давление на КНДР. Вместе с тем, в полном объеме системный переход к активным действиям еще не произошел. Он потребует времени и может быть форсирован резким обострением военно-политической ситуации в Корее.

Китайское восприятие потенциальных угроз

Главная причина эволюции китайской позиции обусловлена тем, что Пекин видит для себя угрозы в последних северокорейских ракетно-ядерных испытаниях в нескольких измерениях.

Во-первых, это угроза радиационного заражения Северо-Востока Китая в случае возможной катастрофы, вызванной разрушением защитной инфраструктуры под воздействием

очередного мощного заряда и деформации систем безопасности испытательного полигона.

Во-вторых, это угроза дестабилизации военно-политического положения вблизи китайской территории в случае военной акции США против Северной Кореи – с негативными политическими, экономическими, экологическими и гуманитарными последствиями для Китая, включая массовый наплыв северокаорейских беженцев и превращение Северной Кореи в никем не контролируемую криминальную территорию. Выход из ситуации потребует от Пекина не только принятия пока еще не ясных ему самому мер военно-политического характера, но и больших финансовых и экономических затрат.

Третье – это риски ухудшения сверх приемлемой меры отношений с США, причем не только по проблемам безопасности в Северо-Восточной Азии, но и, на этом фоне, по всему спектру двусторонних отношений. Что будет негативно сказываться и на китайской экономике, и на китайских глобальных планах.

Четвертое – это новый вызов Китаю: амбициозные планы стать одним из мировых лидеров требуют сегодня от Пекина умения решать международные конфликты, особенно в такой чувствительной сфере, как ядерное распространение. В Китае выступают против слома нынешнего международного режима ядерного нераспространения и, по этой причине, против признания ядерного статуса Северной Кореи. В том числе и по той причине, что таковое повлекло бы за собой согласие мирового сообщества на признание ядерного статуса Индии, что для Пекина является стратегически еще более опасным, чем северокаорейская угроза.

Пятое – Пекин видит риски гонки вооружений в АТР, включая опасность начала Японией и Южной Кореей собственных новых военных, а возможно и ядерных программ.

Слабости официальной китайской позиции

Главное уязвимое место китайской дипломатии на корейском направлении – отсутствие реального плана урегулирования ядерной проблемы Северной Кореи. Пекин пока

не знает, как именно можно обеспечить ядерное разоружение Пхеньяна, хотя его необходимость у него не вызывает сомнений.

Китай сегодня опирается на уже существующие инструменты, которые, как показывает развитие реальных событий, не могут обеспечить в полном объеме решение задачи ядерного разоружения КНДР, а также на производные от них механизмы.

Во-первых, это шестисторонние переговоры, которые стартовали в 2003 г. и из которых Пхеньян вышел в 2009 г. Однако, по всей видимости, такой подход полностью утратил основания считаться действенным после прихода к власти Ким Чен Ына. При администрации Ким Чен Ира Пхеньян использовал ядерно-ракетную программу как «вечный товар», ускорение или торможение разработки которого можно было обменивать на внешнеполитической площадке на внешнюю помощь.

Сегодня этот ракетно-ядерный потенциал рассматривается в качестве инструмента «сдерживания» стран, которые в восприятии Пхеньянского режима представляют угрозу его существованию. Такой подход, ставящий целью наращивание ядерного потенциала Северной Кореи, *направленного на «уничтожение США»*, «до американского уровня» и не предполагающий каких-либо переговоров по его «выкупу», как отмечалось выше, закреплен в Конституции КНДР, официальных партийных и парламентских документах, выступлениях министра иностранных дел КНДР и т.д. Отсюда следует, что для того, чтобы вернуть Пхеньян в переговорный процесс необходима, прежде всего, смена базовых постулатов северокорейского режима.

Поэтому в сложившейся обстановке целесообразнее вести речь не о возобновлении старых, а о новых форматах и инструментах, которые могли бы быть полезны после окончательного провала шестисторонних переговоров.

Во-вторых, это выросшее из шестистороннего процесса Совместное заявление шести стран от 19 сентября 2005 г. На наш взгляд, это скорее победа северокорейской дипломатии, которой удалось переформатировать шестисторонний процесс из переговоров по ядерному разоружению Пхеньяна в

«денуклеаризацию Корейского полуострова». Такой подход позволяет Северной Корее затягивать переговоры по верификации любых достигнутых договоренностей, бесконечно обвиняя Сеул и Вашингтон в том, что у них, как полагают в Пхеньяне, все же есть ядерное оружие в Южной Корее, которое надо «ликвидировать», и в чем надо обязательно убедить Пхеньян, который, в свою очередь, может при этом оставаться «вечно подозрительным».

В-третьих, в 2017 г. Пекин инициировал предложение о т.н. «двойном сдерживании», предусматривающем размен ракетных и ядерных испытаний КНДР на военные учения США и Южной Кореи.

Недостаток такого подхода состоит, по крайней мере, в двух аспектах. Во-первых, как уже отмечалось выше, ядерная программа Пхеньяна не является реакцией на военные учения кого бы то ни было, а отражает стратегический курс северокорейского руководства, закрепленный во множестве официальных документов.

Во-вторых, нелегальная ядерная программа КНДР, осужденная СБ ООН, не является равновеликой разменной монетой военным учениям, проводимым в соответствии с мировой практикой.

Новые стратегические цели КНР и подход Пекина к развитию отношений с Пхеньяном

По мере укрепления глобальных и экономических позиций у Пекина формируется новая стратегическая повестка в международных делах. Ее концептуальным стержнем является т.н. стратегия Шелкового пути («Пояс, путь», в последней китайской интерпретации) в своей экономической и политической составляющих, а также в отношении вопросов безопасности. Последнее время ее новым аспектом становится стремление Китая к расширению своего военно-политического присутствия в мире, прежде всего в Юго-Восточной Азии, Индийском океане, а также в Африке и в районе Ближнего и Среднего Востока.

Укрепляя глобальные позиции, Пекин в поиске поддержки своих инициатив вынужден сотрудничать с мировыми лидерами, в том числе с США. Эта необходимость будет побуждать Китай к более тонкому международному маневрированию, в том числе между Россией и США, не только противопоставляя свои подходы американским, но и согласовывая их в тех или иных пределах.

Применительно к Корейскому полуострову в ближайшее время позиции Москвы и Пекина могут все больше расходиться. Во-первых, Китай более остро, чем Россия ощущает угрозу радиационного заражения вследствие продолжения ядерной программы Пхеньяна. Во-вторых, в отличие от Москвы, которая сегодня делает ставку на диалог с Пхеньяном, Пекин полагает необходимым сочетание политики санкций и давления на Пхеньян вместе с диалогом.

Главным связующим моментом между Москвой и Пекином по Корею является проблема ТНААД. Однако в случае позитивного развития военных отношений Китая и США роль этого сближающего фактора в координации политики Москвы и Пекина может уменьшиться.

Точку зрения России по ядерной проблеме Корейского полуострова в ряде аспектов трудно считать полностью согласованной с позицией Пекина. Китай, в большей степени чувствуя угрозу собственной безопасности, исходящую от ядерной программы Северной Кореи, выступает за диалог плюс санкции, тогда как Россия считает «возможности санкций исчерпанными». Пекин готов идти на ужесточение санкционного давления на КНДР (что проявлялось в его позиции в Совете Безопасности ООН), в том числе и финансового (например, запреты госбанкам Китая вести финансовые операции с северокорейцами).

В этих условиях США стремятся к большему вовлечению Китая в политику международного давления на КНДР. Однако представляется, что главным для Вашингтона здесь является не стремление «оторвать» Пекин от Москвы, а попытки расширить поле для собственного давления на Пхеньян за счет развития

американо-китайского сотрудничества. В Вашингтоне главным резервом стратегии ядерного разоружения Пхеньяна считают изменение в подходах к КНДР именно Китая, а не связки Китай-Россия.

С другой стороны, в КНР формируется мнение, что, хотя сотрудничество с Россией по Северной Корее важно в плане усиления переговорных позиций Китая в отношениях с США, однако именно сотрудничество с США является главным в решении ядерного вопроса. Сторонники этого подхода считают наиболее перспективным согласование китайско-американских позиций по корейской проблематике, полагая, что Россия в любом случае будет поддерживать дипломатическую линию Пекина.

Перспективы политики КНР на корейском направлении

Возможность мирового сообщества окончательно решить северокорейскую ядерную проблему в решающей степени будет зависеть от того, когда и на каких условиях Китай мог бы пойти на сотрудничество с США против Пхеньяна, и в какой мере Пекин будет ставить интересы ядерного разоружения КНДР выше своих приоритетов в сдерживании и противостоянии США.

Пока Китай не готов к совместной работе с США, а затем – с Южной Кореей и с другими участниками в рамках гипотетических новых пятисторонних переговоров по согласованию стратегических позиций США, Китая, России, Южной Кореи и Японии. Пекин не проявляет решимости к достижению договоренностей, которые позволили бы странам выработать единый подход к обеспечению ядерного разоружения КНДР, а также к перспективам Северной Кореи и межкорейских отношений.

Для окончательного перехода к активной и кооперативистской политике на Корейском полуострове Пекину необходим жесткий толчок, который бы сменил *озабоченность* негативными последствиями ядерного испытания *явным ощущением угрозы*. Таким «жестким толчком» могли бы стать,

например, ощутимые масштабные экологические последствия для Северо-востока Китая проводимых в КНДР ракетно-ядерных испытаний.

При этом отсутствие у Китая готовности отойти от отживших идей шестисторонних переговоров расширяет северокорейскому режиму поле для маневра.

В то же время военный удар США по Северной Корее без согласования с Китаем таит в себе угрозу стратегического обострения китайско-американских отношений с неминуемыми угрозами для американского бизнеса и стратегических интересов Вашингтона, в реализации которых он предполагал использовать фактор Китая. Угроза стратегического обострения отношений будет неизменно удерживать США от односторонних действий по Северной Корее – опять же к стратегической пользе пхеньянского режима.

В связи с этим важно отметить, что представляются весьма обоснованными существующие у Китая перечисленные ниже озабоченности по вопросам мирной или силовой модификации или смены северокорейского режима:

- готовы ли США к совместным военным операциям с Китаем на Корейском полуострове?
- готовы ли США действовать здесь с мандатом ООН или только индивидуально?
- готовы ли США – в плане совместной выработки стратегии и финансово – участвовать в поддержании жизнеспособности Северной Кореи?

Другая сторона проблемы состоит в том, что и сам Китай пока не готов к такому уровню сотрудничества с США и, безусловно, с Южной Кореей. Ответ пока выглядит скорее отрицательным. Однако в любом случае последние ракетно-ядерные шаги, предпринятые Северной Кореей, заложили стратегическую основу изменений китайской позиции в будущем:

- Китай уже не вернется к старой пассивной политике, ограничивавшейся лишь призывами к «дипломатическим методам», и будет идти по пути ужесточения санкций;
- Китай не вернется к старому восприятию Северной Кореи как «буфера» против США;
- Китай признает, что не обладает достаточным влиянием на Пхеньян, и постепенно переходит к осознанию не просто необходимости, а неизбежности международного сотрудничества по одной из наиболее острых проблем – ядерной безопасности.

Однако Китай все еще рискует не «дойти до конца», а лишь «остановиться» в нескольких шагах от активных и результативных коллективных действий по обеспечению международной безопасности. Однако для того, чтобы все же «перейти черту» Пекину, к сожалению, все еще будет нужен жесткий толчок в виде авантюрных действий северокорейского режима.

V. ПОЗИЦИЯ ЯПОНИИ В ОТНОШЕНИИ РАКЕТНО-ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ СЕВЕРНОЙ КОРЕИ

Реализация ракетно-ядерной программы Пхеньяна и возможная реакция на нее со стороны Токио как потенциального объекта возможных ракетных ударов со стороны Северной Кореи занимают заметное место в японской внешне- и внутривластной повестке. При этом тема реальной ракетно-ядерной угрозы характеризуется не только повышенным вниманием со стороны официальных ведомств и партийных деятелей, но и оживленным обсуждением ее в японских СМИ, возбуждающим активную эмоциональную реакцию на нее со стороны населения страны. Общий объем внимания, уделяемого этой теме, и величина сопутствующего эмоционального накала постепенно растут и в конце 2017 г. достигли исторического максимума.

Испытания Пхеньяном ядерных взрывных устройств, а также баллистических ракет как средств их доставки официально

рассматривается Токио как одна из двух главнейших внешних угроз безопасности Японии – наряду с активным военным строительством и «напористой» внешней политикой КНР, которую японские официальные лица активно обвиняют в попытках нарушения сложившегося геополитического статус-кво в регионе и в использовании политики «свершившихся фактов», в первую очередь в форме распространения своей военной инфраструктуры на спорные географические объекты.

Степень вербальной озабоченности японских политиков и официальных лиц продолжающимися в Северной Корее испытаниями в последние годы растет, равно как и место, отводимое ей в официальных документах и публикациях по проблемам безопасности, таким как Белая книга по обороне и доклады Совета национальной безопасности Японии. Пуски ракет, производимые с территории Северной Кореи, рассматриваются как источник угрозы жизни и здоровью японских граждан, которая может реализоваться в результате непреднамеренных технических сбоев или ошибок, либо вследствие сознательного стремления северокорейских лидеров нанести Японии такой ущерб.

Такое позиционирование угрозы, исходящей от ракетных пусков, по мнению многих аналитиков, сыграло немаловажную роль в консолидации позиций правящей либерал-демократической партии накануне и в период выборов в нижнюю палату японского парламента в октябре 2017 г., а также в укреплении внутрипартийных позиций лидера партии и главы кабинета министров Синдзо Абэ. Последний отвел этой угрозе одно из ключевых мест в своей предвыборной риторике и предлагал себя в качестве жесткого лидера, способного в сжатые сроки разработать эффективный политический и военный ответ на нее.

Одновременно Токио ввел вопрос о «северокорейской ядерной угрозе» в повестку любых дипломатических консультаций с США, их союзниками и партнерами в АТР, представителями европейских и евроатлантических структур, в первую очередь НАТО. Регулярно заявляя о своей «крайней озабоченности» этой угрозой, официальный Токио неизменно

ставит вопрос об «углублении кооперации» при выражении протестов и определении мер противодействия.

Японские официальные лица также активно стремились и стараются вновь внести этот вопрос в повестку российско-японских отношений. В частности, это относится к состоявшимся в 2017 г. межминистерским консультациям в форме т.н. «диалога по стратегической стабильности» на уровне заместителей глав внешнеполитических ведомств, а также в формате 2+2 (министров иностранных дел и обороны), практика которых прерывалась резким обострением отношений России с коллективным Западом весной и летом 2014 г. На этих консультациях Япония выдвигала «северокорейскую проблему» как ключевой вопрос международной безопасности в Северо-Восточной Азии и в АТР. Кроме того, эта проблема настойчиво вносилась Японией в повестку переговоров на высшем уровне в 2017 г. (визит премьер-министра Японии в Москву в апреле и во Владивосток в сентябре, встреча В. Путина и С. Абэ на полях саммита «большой двадцатки» в Гамбурге в июле), а также в меморандум о взаимопонимании между аппаратом Совета безопасности РФ и секретариатом Совета национальной безопасности Японии, подписанный в ходе визита в Японию в начале сентября 2017 г. секретаря Совбеза РФ Н. Патрушева.

Вместе с тем конкретных идей и планов противодействия «исходящей от Северной Кореи ракетно-ядерной угрозе» выдвинуто не было. Единственным содержанием «жесткой позиции», занятой правительством С. Абэ, были призывы отказаться от идеи диалога с Пхеньяном и наращивать политико-экономическое давление на него путем дальнейшего ужесточения экономических и финансовых санкций. При этом внутри японского политического класса существовала и продолжает существовать альтернативная точка зрения, суть которой состоит в утверждении о неэффективности и нецелесообразности такого давления, по крайней мере в его нынешней форме, с точки зрения обеспечения безопасности Японии.

Сторонники альтернативной точки зрения часто указывают на неспособность США приостановить северокорейскую и китайскую военную активность в непосредственной близости от Японии, скептически оценивают действенность американского военного «зонтика» применительно к интересам обеспечения ее безопасности и отмечают необходимость больших самостоятельных усилий Японии в области обороны. При этом возможность пересмотра положения об отказе страны от обладания ядерным оружием остается табуированной в общественных дискуссиях, однако на экспертном уровне рассматривается как допустимая и реальная. Не исключено, что растущая напряженность в связи с продолжающимися северокорейскими испытаниями выступит в роли фактора, который в итоге снимет табу на обсуждение темы ядерного вооружения Японии.

VI. РЕАКЦИЯ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ НА КРИЗИС ВОКРУГ СЕВЕРОКОРЕЙСКОЙ РАКЕТНО-ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ

Внутриполитический кризис, поразивший Республику Корея в 2016-17 гг. на фоне обострения северокорейской ядерной проблемы, оказал влияние на определение южнокорейской элитой приоритетов во внутренней и внешней политике. Между тем при всех колебаниях и перестройке партийной системы, проявлениях непоследовательности политического курса, можно выделить сложившиеся стратегические приоритеты ведущих парламентских партий. Совместная Демократическая партия, поддерживающая нынешнего президента Мун Чжэ Ина, с известной степенью условности может быть отнесена к левоцентристским партиям. Внутри страны она отдает предпочтение мерам активной социальной политики (поддержание занятости, субсидирование низкодоходных групп). Во внешней политике, оставаясь лояльными американско-южнокорейскому военному союзу, демократы настроены на поиск конструктивного взаимодействия с Китаем и Россией.

Приоритеты партии Свободная Корея близки правоконсервативным ценностям. В частности, депутаты этой партии активно поддерживали выдвинутые в 2014 г. президентом Пак Кын Хе меры по ограничению государственного вмешательства в экономику. Во внешней политике, являясь сторонниками союза с США, консерваторы остаются приверженцами диверсификации внешнеполитических приоритетов, в том числе в пользу стран-соседей, включая Китай и Россию. В этом смысле падение президента Пак Кын Хе заметно не отразилось на признании в политических элитах важности заявленного ею курса на активизацию политики на «евразийском» направлении.

Для южнокорейской политической элиты важнейшей проблемой представляется комплекс взаимоотношений с КНДР, включая последствия превращения последней в ракетно-ядерную державу. В Южной Корее создание КНДР оружия массового уничтожения вызывает большое беспокойство общества и правящих элит. В стране начато размещение американской системы ПРО ТНААД. Однако нет консенсуса относительно необходимых дальнейших ответных мер и возможных путей окончательного решения проблемы. Диапазон обсуждаемых решений колеблется от предложения создать собственное атомное оружие до смягчения политики в отношении Севера.

Хотя по коренным вопросам между парламентскими партиями наблюдается консенсус, можно выделить оттенки в их позиции по межкорейским отношениям. В отношении КНДР Совместная Демократическая партия поддерживает курс на сдерживание северокорейских ядерных амбиций в сочетании с возможностью поддержания диалога с Пхеньяном при условии проявления им готовности к компромиссам. Партия Свободной Кореи склонна к более жестким мерам, включая ужесточение санкций и ограничение контактов с Пхеньяном. При этом ведущие парламентские партии выступают за координацию действий в решении северокорейского кризиса с США.

Это не означает отсутствия острых дискуссий по отдельным актуальным вопросам безопасности и экономического

сотрудничества с Соединенными Штатами. Например, при обсуждении проблем, связанных с размещением на Юге Кореи американской ПРО ТНААД обозначились резкие партийные расхождения. На крайних полюсах оказалась партия Свободная Корея, активно поддержавшая это решение, и выступавшие против него Народная партия и Партия Менджун («Новых людей»), озабоченные в том числе негативной реакцией Китая на появление в Южной Корее ПРО ТНААД.⁶

Вместе с тем в Национальном Собрании негативно восприняли введение Китаем ограничений на торгово-экономические и туристические связи между двумя странами как выражение недовольства действиями Сеула. В этой связи южнокорейский парламент в апреле 2017 г. принял резолюцию, осуждающую подобную реакцию Пекина на соглашение, достигнутое между Сеулом и Вашингтоном о размещении ПРО ТНААД в Южной Корее. Правда, эта резолюция одновременно содержала призыв к правительству принять меры к разрешению китайско-южнокорейских противоречий.⁷

В итоге позиции партий по северокорейскому вопросу в большинстве своем сходятся в осуждении проведения ракетно-ядерных испытаний КНДР и призыве к северокорейскому руководству вернуться на путь диалога.⁸

В то же время 26 членов парламента от оппозиционной нынешнему президенту Мун Чжэ Ину партии Свободная Корея выступили 31 августа 2017 г. с инициативой принятия парламентом резолюции о ядерном вооружении Южной Кореи, «поскольку нельзя смотреть сквозь пальцы на ядерную монополию Северной Кореи».⁹ Говоря от лица 26 своих коллег, депутат Вон Ю Чоль (Won Yoo-chul) отметил, что «теперь

⁶ Nat'l Assembly kicks off regular session with THAAD feud. 01. 09. 2016 / <http://korea.assembly.go.kr/inc/popPrint.jsp>

⁷ Parliament urges China to stop retaliation over THAAD. 20. 04. 2017 / <http://korea.assembly.go.kr/inc/popPrint.jsp>

⁸ Parties condemn N. Korea missile launch. 31. 08. 2017 / <http://korea.assembly.go.kr/inc/popPrint.jsp>

⁹ Lawmakers propose resolution calling for S. Korea nuclear armament amid N.K. threats / The National Assembly of the Republic of Korea. 31.08. 17 <http://korea.assembly.go.kr/inc/popPrint.jsp>

настало время отказаться от бессильных санкций, к использованию которых мы постоянно прибегали на протяжении последних двадцати лет, и сменить парадигму нашей политики безопасности с тем, чтобы защитить нашу территорию и население... Следует информировать международное сообщество о тех чрезвычайных обстоятельствах, в которых мы оказались и заявить, что ядерное вооружение необходимо для обеспечения мира на Корейском полуострове и самообороны».¹⁰

Хотя такая позиция не является ни доминирующей в политических, экономических или экспертных элитах, ни способной влиять на практические и законодательные решения в этой области, она отражает настроения части южнокорейского общества, озабоченного неспособностью руководства Республики Корея и мировых держав сдерживать рост ракетно-ядерного потенциала КНДР, который рассматривается на Юге как прямая угроза безопасности страны. Президент РК Мун Чжэ Ин продолжает заявлять, что, несмотря на последние акции Пхеньяна, он подтверждает настрой на решение существующих проблем путем диалога с Севером.

То, что эта проблематика находит свое отражение в российско-южнокорейских переговорах, имеет большое значение с точки зрения двусторонних отношений между РФ и РК, а также политики двух стран по укреплению безопасности и регионального сотрудничества на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии в целом.

VII. ПРИОРИТЕТЫ И ВОЗМОЖНОСТИ РОССИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ МИРА И СОТРУДНИЧЕСТВА НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

За относительно короткий по историческим меркам период политика Советского Союза, а после 1991 г. – Российской Федерации на Корейском полуострове прошла целый ряд различных этапов.

¹⁰ Ibid.

Несмотря на решающую роль Советского Союза в создании северокорейской государственности, вплоть до последнего десятилетия прошлого века ни КНДР, ни Корейский полуостров не рассматривались в Москве как важное направление ее внешней политики. Достаточно сказать, что вплоть до конца 80-х годов ни один советский министр иностранных дел, не говоря уже о высшем руководстве, не совершал поездок в Пхеньян. Вопросы, связанные с положением на Корейском полуострове, поднимались на двусторонних встречах высокого уровня лишь в той мере, когда их инициативно ставили американцы и, реже, китайцы.

В рамках международной биполярной системы ситуация на Корейском полуострове рассматривалась как достаточно устойчивая. Москва видела свою задачу в том, чтобы поддерживать сложившийся после Корейской войны военно-политический баланс по обе стороны от 38-ой параллели и, одновременно, вести вялотекущую подспудную борьбу с Китаем за влияние на северокорейское руководство.

Ситуация стала решительно меняться после зарождения и развития на Корейском полуострове ядерного кризиса. Следует сказать, что именно советская сторона настояла на присоединении КНДР к ДНЯО.

Именно поэтому впоследствии к России были обращены претензии и плохо скрываема критика со стороны Пхеньяна. Категорический отказ северокорейцев выполнять все требования и запросы МАГАТЭ, связанные с отчетностью о проводимой КНДР ядерной деятельности, спровоцировал серьезные трения в отношениях между этой страной и Агентством. Естественно, первопричину кризиса северокорейская сторона склонна была усматривать в «коварных», по ее мнению, советах Москвы.

За всем этим последовало фактически полное замораживание политических отношений между Москвой и Пхеньяном, что впоследствии привело к консолидации России с позицией США и РК, а также МАГАТЭ в отношении

озабоченностей по поводу характера осуществляемой в КНДР ядерной программы.

Внимание российского МИД, а затем и высшего руководства страны к ситуации на Корейском полуострове значительно возросло после того, как разворот военно-политических событий там приобретал все более драматический характер. В этом контексте наметился более самостоятельный и сбалансированный подход Москвы к оценке происходящего.

Сегодня официальная позиция России состоит в том, что обстановка на Корейском полуострове представляет особое значение для ее национальных интересов. Происходящие там турбулентные процессы напрямую затрагивают вопросы нераспространения, которые по определению вплетены в глобальный контекст и, следовательно, непосредственно влияют на безопасность и стабильность российского Дальнего Востока, а также его перспективы в плане экономической интеграции в АТР.

Соответственно, в последние два десятилетия Москва неизменно настаивала на том, что наряду с другими вовлеченными державами она жизненно заинтересована в своем непосредственном участии в достижении корейского урегулирования в целях поиска реалистичной и конструктивной стратегии выхода из возникшего тупика. По сути, подразумевалось, что в случае самоустранения России сложные проблемы Корейского полуострова будут решаться без учета ее интересов, а возможно и во вред оным, что чревато образованием вблизи тихоокеанских границ России неблагоприятной для нее новой геополитической конфигурации.

Пхеньян разработал и 3 сентября 2017 г. взорвал «усовершенствованную водородную бомбу», которая якобы может быть использована в качестве боеголовки для новой межконтинентальной баллистической ракеты. По различным неподтвержденным данным, мощность взрыва составила от 70 до 120 кТн. в тротиловом эквиваленте, что почти на порядок превышает показатели, достигнутые Северной Кореей в ходе предыдущих испытаний.

Напомним в этой связи, что в 2017 г. северокорейская сторона уже провела испытания новых ракет средней и повышенной дальности, которые и в самой КНДР, и в США квалифицированы как «межконтинентальные», пригодные стать носителями ядерных боеголовок.

МИД России в тот же день выступил с весьма резким заявлением, в котором подчеркивалось, что КНДР своими действиями, направленными на подрыв глобального режима нераспространения, создает серьезную угрозу миру и безопасности на Корейском полуострове и в регионе в целом. Вполне обоснованно можно говорить о том, что последние вызывающие шаги Пхеньяна можно рассматривать как демонстративное неуважение миротворческих усилий России и Китая, которые выступили с целым рядом совместных инициатив в интересах нахождения политико-дипломатического решения корейского кризиса мирным путем. О содержании разработанной Москвой и Пекином «дорожной карты» руководство КНДР, равно как и других заинтересованных государств, ранее было детально проинформировано. И наконец, нельзя не отметить, что демонстративное проведение взрыва ядерного устройства как бы «по совпадению» состоялось в дни визита президента В.В. Путина в Пекин и проведения там саммита БРИКС.

В принципе, Москва напрямую не рассматривает деятельность КНДР в ракетно-ядерной области в категориях военно-политической угрозы для безопасности РФ. При всей неординарности поведения северокорейских руководителей с их стороны было бы полнейшим авантюризмом само предположение о нацеливании этих ракет или бомб на Россию. Вместе с тем нельзя отрицать и наличие вполне осязаемых рисков в случае развития данных программ. Большинство из них связано с низким техническим уровнем соответствующих северокорейских изделий. В их числе:

- опасность падения самих ракет, а также их частей и обломков на территорию Дальнего Востока или в российские территориальные воды ввиду несовершенства системы контроля и управления полетами;

- наличие экологических угроз вследствие высокой степени вероятности техногенных аварий на северокорейских ракетных полигонах или несанкционированного сброса токсичного ракетного топлива;

- угроза радиоактивного заражения местности в случае нештатной ситуации при осуществлении в будущем возможных новых ядерных испытаний;

- опасность крупных техногенных катастроф в случае проведения одномоментно серии ядерных взрывов или испытания ядерного устройства большой мощности, например, прототипа водородной бомбы. С учетом сложной геологической архитектуры в районе Корейского полуострова, это может быть чревато цепной реакцией землетрясений, пробуждением древних вулканов (таких как Пэктусан), атмосферными или морскими катаклизмами;

- бедственное техническое состояние ядерного комплекса в Ненбене, а возможно, и других соответствующих объектов, участвующих в реализации ракетно-ядерных программ, чреватое возникновением ситуаций наподобие чернойбыльской;

- возможные попытки руководства КНДР передать ядерное или ракетное оружие, технологии или материалы для их изготовления правительствам или физическим лицам третьих стран;

- утрата Пхеньяном контроля над ядерным, химическим и биологическим оружием с попаданием ОМУ в руки конкурирующих политических кланов в случае внутренней дестабилизации в стране и возникновения ситуации «вакуума власти».

В политике Москвы по крайней мере на протяжении последних полутора десятилетий всегда присутствовали (хотя и в меняющихся пропорциях) два трудносовместимых элемента. Во-первых, это накапливающееся раздражение по поводу все более агрессивной деятельности КНДР в запрещенных для нее областях, что имело следствием нарушение режима нераспространения и вело к изменениям устоявшегося военно-стратегического баланса в регионе СВА. Большая проблема заключалась в том, что политика КНДР на ракетно-ядерном

поприще в большинстве случаев отличалась неадекватностью, несоответствием характеру внешних угроз, не поддавалась любым разумным прогнозам, а главное – возможности оказывать на нее сколь-либо заметное влияние, в том числе и со стороны Кремля.

С другой стороны, по мере разрастания конфронтации вокруг Северной Кореи, Москва с растущими опасениями наблюдала за активными шагами США по наращиванию здесь своего военного присутствия, роста их боевого потенциала, масштабов американо-южнокорейских совместных военных учений. По оценкам российских военных экспертов, командования ВС РФ, проводимые союзниками мероприятия выходили далеко за рамки провозглашаемой Сеулом и Вашингтоном задачи сдерживания северокорейского вызова и в реальности были направлены против России и Китая как главной цели.

Иными словами, у российской стороны возникало устойчивое ощущение, что США пользуются ситуацией для наращивания в регионе наступательных вооружений с целью его использования для давления на крупных региональных игроков, оппонировавших Вашингтону, включая Россию.

Именно поэтому Москва, следуя своего рода «срединной» политической линии, устанавливала прямую взаимосвязь и взаимозависимость между ракетно-ядерной активностью Северной Кореи и военными мероприятиями США и их союзников в районе Корейского полуострова. Отсюда призыв ко всем вовлеченным сторонам, под которыми подразумевались в равной мере, как КНДР, так и США, Южная Корея и Япония, проявлять сдержанность, отказаться от конфронтационных подходов и ставки на силовые методы решения проблем.

Ядерная проблема, как неизменно подчеркивали российские представители на самом высоком уровне, могла бы быть решена исключительно в контексте достижения общей военно-политической разрядки в регионе, отказа от продолжения противостоящими сторонами гонки вооружений.

При этом одним из профилирующих вопросов, над продвижением которого Москва настойчиво работала в контактах с зарубежными партнерами, состоял в подготовке необходимых условий и атмосферы для возобновления деятельности рабочей группы по механизму обеспечения мира и безопасности в Северо-Восточной Азии. Созданная в рамках шестисторонних переговоров под председательством России рабочая группа вела работу по подготовке руководящих принципов взаимоотношений «шестерки» государств СВА. Ее деятельность продолжалась вплоть до марта 2009 г., когда КНДР заявила о своем выходе из пекинского процесса.

Тем не менее, регулярный зондаж России на этот счет традиционно наталкивается на вежливый, но твердый отказ большинства партнеров: «шестисторонка» свернута, и поэтому вопрос о задействовании ее вспомогательного инструментария на повестке дня сейчас не стоит. Фактически же (и в этом имплицитно едины и США, и Китай), восстановление этого формата нежелательно, поскольку приведет к «неоправданному» повышению роли России в делах субрегиона и ее влияния на текущие процессы, в том числе и в области корейского урегулирования.

В наиболее концентрированном виде недовольство российского руководства политикой США на Корейском полуострове нашло воплощение в резкой критике американо-южнокорейских шагов по размещению на территории РК американских комплексов ПРО ТНААД, к которому союзники приступили весной 2017 г.

По мнению многих независимых экспертов, размещение комплексов ПРО в Южной Корее в параметрах, заявленных союзниками, не создает для России прямой угрозы, принимая во внимание ограниченную дальность как противоракет, так и придаваемого к ней радара.

Тем не менее, помимо чисто военного среза проблемы с самого начала обозначились ее более широкие политические и психологические аспекты. Достаточно вспомнить, что с начала нынешнего столетия вопросы ПРО, будь то на европейском или

азиатском векторе, стали злободневной темой в российско-американских отношениях. С учетом особой чувствительности развития «ЕвроПРО», где Москва ощущает себя обманутой, любые новые шаги Вашингтона в данной области, на каком бы географическом направлении они ни осуществлялись, воспринимались российским руководством с повышенной озабоченностью – как очередная попытка создать новый очаг военного давления на Россию. Поэтому российская сторона намерена учитывать действия США по размещению комплексов ТНААД в Южной Корее в военном планировании и своей внешнеполитической деятельности.

При этом главным фактором риска для Москвы остается отсутствие ясности относительно будущего вектора приложения противоракетных усилий США (Южная Корея в этом тандеме, естественно, остается ведомым, а ее собственные оборонные устремления носят исключительно локальный характер). Весь вопрос для России состоит в том, не мыслится ли этот шаг американцами лишь как первое звено на пути выстраивания в АТР нового театра стратегической ПРО наряду с европейским.

Сходные или даже более серьезные озабоченности по данному сюжету испытывал и Китай, что способствовало укреплению российско-китайского тандема, целью которого было минимизировать возможные издержки от действий Вашингтона в области ПРО в Южной Корее. Следует заметить, что возникновение данной темы породило недоверие и заметно осложнило взаимодействие России и Китая с США по актуальным северокорейским сюжетам. В выигрыше от этой «размолвки» оказался только Пхеньян, на время отодвинувший от себя угрозу консолидированного международного давления.

Таким образом, главным недостатком в решении ракетно-ядерной проблемы стало отсутствие плотной координации между «пятеркой» стран, наиболее заинтересованных в корейском урегулировании (Россия, КНР, США, РК и Япония). В этом плане упущением со стороны Москвы стал отказ (не без влияния Пекина) от озвученного еще в 2011-12 гг. предложения

американцев и южнокорейцев о создании пятистороннего консультативного механизма, в рамках которого можно было бы согласовывать шаги, а также заняться выработкой общей платформы движения к урегулированию.

Основной аргумент российской стороны состоял в том, что подобный диалог лишен смысла без полного состава участников шестисторонних переговоров (имелся в виду Пхеньян), который упорно избегал подключения к любому многостороннему формату по ядерному вопросу. Соответственно, в Москве полагали, что Северная Корея могла бы воспринять само создание подобного механизма как попытку формирования «единого антипхеньянского фронта» и окончательно закрыться от всех внешних контактов по злободневным вопросам Корейского полуострова (как если бы в отсутствие пятисторонних встреч Северная Корея горела желанием вести такой диалог).

Итогом отсутствия соответствующих договоренностей стало то, что вышеупомянутые страны перешли к разрозненным действиям: США и их союзники настаивали на ужесточении санкционного прессинга в отношении КНДР, в то время как Москва и Пекин ратовали за поиск вариантов возобновления шестисторонних переговоров с Пхеньяном.

В последние два-три года обозначилась довольно зримая тенденция к укреплению российско-китайского тандема по корейским делам. Фактически его рабочим механизмом стал диалог по вопросам безопасности в СВА, который с 2015 года проводился регулярно на уровне заместителей министров иностранных дел двух стран.

Москва и Пекин с этого времени совместными усилиями настойчиво пытались убедить северокорейское руководство в необходимости сделать выбор в пользу более конструктивной линии в тех вопросах, которые вызывали озабоченность у международного сообщества. Соответствующие обращения с предложениями услуг двух стран делались не только по линии министров иностранных дел двух стран, но и на самом высоком

уровне. Однако все эти демарши не принесли ожидаемых результатов и фактически были проигнорированы северокорейской стороной.

Очередным шагом России и КНР стала совместная инициатива по достижению урегулирования на Корейском полуострове, выдвинутая в ходе визита министра иностранных дел Китая в Москву и оформленная в виде совместного заявления МИДов двух стран от 4 июля 2017 г. В документ вошли предложения китайской стороны относительно «двойного замораживания» (ракетно-ядерной деятельности КНДР и крупномасштабных совместных учений США и Республики Корея) и «параллельного продвижения» к денуклеаризации Корейского полуострова, а также российские идеи о комплексном и поэтапном плане корейского урегулирования.¹¹

Предполагалось, что параллельно с установлением «моратория» противостоящие стороны приступят к переговорам в целях установления общих принципов взаимоотношений, включая неприменение силы, отказ от агрессии, мирное сосуществование, предпримут усилия в интересах комплексного урегулирования всех проблем Корейского полуострова, включая и ядерную. С другой стороны, в заявлении было зафиксировано давнее пожелание Москвы по поводу возобновления переговорного процесса для формирования на полуострове и в Северо-Восточной Азии механизма мира и безопасности, гарантирующего нормализацию отношений между соответствующими государствами.

Безусловно, Пекин и Москва исходят из стремления учесть озабоченности и интересы всех сторон, вовлеченных в корейский конфликт, а поскольку составляющих у этого конфликта накопилось немало, то это убеждало обе стороны в необходимости выработки и продвижения комплексного и поэтапного плана урегулирования по принципу «win-win strategy».

¹¹http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2807662

К сожалению, приходится констатировать, что наиболее трудновыполнимыми являются как раз идеальные и вроде бы все учитывающие планы. Они хороши для тех ситуаций, когда активная фаза конфликта переходит в латентную – когда силы участников противостояния иссякают, они устают от конфронтации, понимая невозможность достижения безусловной победы над противником. Только при таком раскладе они готовы вести разговор о мире и определении принципов и характера своих будущих отношений.

Применительно к корейскому конфликту все не так однозначно – по крайней мере Северная Корея демонстрирует растущую агрессивность в борьбе за достижение преследуемых ею целей, а американо-южнокорейская сторона в свою очередь активно ищет способы жесткого пресечения данных действий, подключая все новые ресурсы в интересах силового сдерживания Пхеньяна.

Нельзя забывать и о том, что реализация обширных по числу и серьезности рассматриваемых вопросов комплексных планов требует немалого времени, гибкости и доброй воли со стороны всех участников. Это наглядно показал и опыт Женевской конференции по Корее 1953–1954 гг., а также шестисторонних переговоров. А его то как раз сейчас и не хватает для перехвата ситуации в опасной точке ее развития.

Если же говорить о позиции основных оппонентов России в корейской игре по состоянию на сегодняшний день, то тот же президент Д. Трамп не показал себя приверженцем сложных позиционных политических маневров и многоходовых комбинаций во внешней политике с неопределенным исходом. Поэтому, скорее всего, предпочтение с его стороны будет отдаваться (естественно, в зависимости от конкретных обстоятельств) реализации сравнительно простых и быстроедействующих решений, способных вызвать положительный резонанс, прежде всего в Соединенных Штатах.

Согласно большинству оценок, озвученных США, Японией и даже Южной Кореей, вести дело к комплексному, пакетному решению столь непростых вопросов сейчас весьма

непросто ввиду острых противоречий по всему спектру тем, разделяющих конфликтующие стороны. Кроме того, ввиду быстрого нарастания турбулентности в развитии событий – все более опасной деятельности КНДР в ракетно-ядерной сфере, постоянного повышения уровня озвучиваемых ею угроз и т.д. – необходимо первоочередное решение именно этой проблемы, представляющей основной вызов для международного мира и безопасности.

Существенным моментом является и то, что российско-китайская инициатива разрабатывалась вне рамок предварительных консультаций с Пхеньяном, для которого она также явилась сюрпризом. Проблема в том, что у Москвы, по признанию самого С.В. Лаврова, не существует оперативных доверительных каналов взаимодействия с Пхеньяном на достаточно высоком уровне.¹² Иными словами, в настоящее время, в отличие от времени правления Ким Чен Ира, Россия не имеет возможности направить на высший уровень в КНДР важное обращение с уверенностью в получении быстрого и содержательного ответа. В подобном же положении находится сейчас и Китай. Такая ситуация, безусловно, снижает продуктивность совместных российско-китайских усилий по нормализации обстановки на Корейском полуострове и в ядерном урегулировании.

В силу всех вышеуказанных причин вопрос о поиске и выработке новых реалистических стратегий для распутывания корейского узла пока, как и прежде, остается актуальным и остро востребованным.

Важным фактором стабилизации положения на Корейском полуострове является налаживание двустороннего диалога между Россией и США по этой проблематике. В настоящее время шансы на это весьма невелики с учетом происходящей деградации в российско-американских отношениях. В ходе эпизодических контактов по линии внешнеполитических ведомств на рабочем уровне, с российской стороны, как правило, звучат призывы

¹² <https://ria.ru/world/20170713/1498451417.html>

проявлять сдержанность и прекратить демонстрации военной силы в районе Корейского полуострова, а с американской – тезис о необходимости ужесточения всестороннего давления на КНДР.

В настоящий момент за рамками отношений со своими близкими союзниками единственным важным партнером в корейских делах американцы рассматривают лишь Китай, с которым пока связываются немалые надежды и ожидания. И здесь уместно упомянуть, что все иницируемые США проекты «карательных» резолюций СБ ООН по КНДР сначала проговариваются в двустороннем порядке между Вашингтоном и Пекином, и лишь затем более или менее согласованные тексты представляются на рассмотрение остальным членам Совбеза.

Помимо всего прочего, в США (не без оснований) полагают, что роль и реальное присутствие России на Корейском полуострове в целом и в Северной Корее в частности не слишком велики, в силу чего российским фактором на данном этапе вполне можно пренебречь. С другой стороны, в Вашингтоне искусственно притормаживают диалог с Москвой по корейской проблематике «сверх необходимого», чтобы исключить возможность повышения роли России в делах урегулирования на Корейском полуострове, что, как полагает американская сторона, на данном этапе не соответствует интересам США.

Москва, у которой в настоящее время нет острой аллергии по поводу налаживания диалога с США по корейским делам, может испытывать определенную скованность в отношении его содержательной части и формирования взаимно полезной повестки.

Так, например, российская сторона едва ли пойдет на разговор о новых серьезных репрессалиях против КНДР, хотя бы потому что сама испытывает на себе растущий груз американских рестрикций. Отсюда крайне отрицательное отношение Москвы к любым идеям по оказанию дополнительного давления на Пхеньян, которые составляют сердцевину американского подхода. Россия исходит из того, что потенциал возможных санкций в отношении КНДР исчерпан, и теперь надо искать возможности для возобновления переговорного процесса с этой страной. (Тем не менее, такая

позиция не помешала России поддержать в декабре 2017 г. новый санкционный пакет, принятый с её участием СБ ООН).

Не только у рядовых российских граждан, но и у многих политиков сейчас возникает ощущение, что, несмотря на существенную разницу в положении России и Северной Кореи, обе страны находятся по существу «в одной лодке» и испытывают политические и экономические сложности вследствие курса, проводимого Вашингтоном.

Поэтому на общественном и даже на внешнеполитическом уровне американцам сейчас заведомо трудно будет рассчитывать не только на поддержку своей позиции, но даже на моральную солидарность со стороны Москвы. Логика рассуждений при этом следующая: сегодня американцы «задают» Северную Корею как опасную страну-изгой, а впоследствии попытаются то же самое проделать с Россией.

И все же, если отбросить проблемы, связанные с текущим общим состоянием российско-американских отношений, в перспективе диалог между Москвой и Вашингтоном по Корейскому полуострову представляется не только желательным, но и необходимым.

И дело даже не в том, что в этом районе мира интересы наших двух стран на протяжении многих десятилетий тесно переплетаются, что предопределяет важность регулирующей роли дипломатии. Позиции и интересы крупнейшей континентальной и морской держав в этом районе мира всегда будут различными и, скорее всего, конкурирующими. Тем не менее, существуют вопросы, гораздо более важные для всех, чем узконациональные задачи: это сохранение мира, безопасности, стабильности, обеспечение режима ядерного нераспространения, снижения уровня военной угрозы в данном регионе.

Кроме того, открытие данного канала диалога, можно надеяться, позволило бы усилить контроль за динамикой событий на Корейском полуострове, чтобы не допустить их дальнейшего развития в непредсказуемом русле, тем самым повысив степень ответственности в действиях обеих держав. С другой стороны, такой диалог независимо от его формата мог бы ускорить

процесс поиска креативных идей, работающих на скорейшее достижение корейского урегулирования, прежде всего в ракетно-ядерной сфере.

Думается, что российско-американский канал в случае его запуска мог бы стать полезным дополнением к уже действующим переговорным форматам, созданным соседними державами, а наряду с этим – послужить целям многосторонней координации пятерки заинтересованных соседних государств в выработке согласованной линии дальнейшего поведения. Конечно, непременным условием для этого должно являться хотя бы первоначальное, но последовательное и устойчивое движение в сторону «размораживания» всего блока политических отношений между Российской Федерацией и США, что, судя по текущей ситуации, едва ли реально в близлежащей перспективе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблематичность преодоления нынешнего кризиса на Корейском полуострове связана с рядом фундаментальных обстоятельств. Во-первых, это не первый кризис, связанный с созданием и тестированием северокорейским режимом ракетно-ядерного потенциала. Однако это первый кризис, выход из которого не может закончиться взятием паузы в действиях или простым отходом на прежние позиции вовлеченных в него сторон без потери лица для основных участников конфликта. Прежде всего, это касается лидеров стран, активно вступивших в политическую «игру на повышение ставок»: главы северокорейского режима Ким Чен Ына и американского президента Д. Трампа.

Поставленные в повестку дня претензии КНДР легализовать свой ядерно-ракетный статус, и заявленная решимость нынешней американской администрации предотвратить подобный сценарий достигли накала, снизить который возможно если не одномоментным решением возникших проблем, то, во всяком случае, согласованным алгоритмом действий при участии Республики Корея и региональных держав;

во-вторых, обращает на себя внимание, что в качестве вероятного варианта развития событий рассматривается использование США военной силы. Пока такого решения нет. Но оно остается в арсенале администрации Д. Трампа;

в-третьих, оценивая политические подходы к решению проблемы, следует иметь в виду исчерпание потенциала прежнего формата шестисторонних переговоров. Прежде всего, поскольку исчез прежний предмет переговоров. Привычный вялотекущий торг (северокорейское ядерное оружие обменивается на экономические бонусы со стороны США и региональных держав) уже не устраивает ни Пхеньян, ни США. Пхеньян не собирается ни при каких обстоятельствах отказываться от своего ракетно-ядерного потенциала. Вашингтон не готов поддаваться внешнему шантажу.

Опасность сложившейся ситуации связана также с тем, что пока нет концепции, устраивающей все заинтересованные стороны. Российско-китайское предложение «о двойном замораживании» дает шанс начать переговоры. Однако для того чтобы довести их до результативного конца, необходимо доверие, взаимное понимание конечной цели и последовательная программа действий (в терминах современной дипломатии «дорожная карта»). Пока ничего из перечисленного нет. И это дает основания опасаться нового обострения ситуации в любой момент. К очередной знаменательной дате в КНДР могут осуществить ракетный запуск или ядерное испытание, которые вызовут новое обострение ситуации с плохо прогнозируемыми последствиями.

Многое будет зависеть от того, в какой мере удастся сформировать тенденцию согласования Республикой Корея и четырьмя региональными державами совместных мер противодействия ракетно-ядерным амбициям КНДР. В решающей степени это будет зависеть от степени сближения позиций по корейской проблематике между Пекином и Москвой с одной стороны, Вашингтоном и его союзниками – с другой. В частности, в ходе китайско-южнокорейских переговоров в декабре 2017 г. стороны согласились с приоритетом мирного

решения северокорейской ракетно-ядерной проблемы. В свою очередь, Россия, настояв на смягчении ряда намечавшихся мер, тем не менее совместно с другими членами СБ ООН одобрила 23 декабря 2017 г. окончательный вариант санкций против КНДР. Это свидетельствует о потенциале возможного партнерства пяти стран. Пятисторонние переговоры могли бы определить общие принципы поддержания мира и безопасности на Корейском полуострове с учетом интересов всех заинтересованных сторон, что позволило бы выработать совместные меры по мирному решению северокорейской ракетно-ядерной проблемы.

Научное издание

Кризис и новая повестка дня
для Корейского полуострова и региональных держав

Под редакцией
Михеева Василия Васильевича
Федоровского Александра Николаевича

Доклад

ISBN 978-5-9535-0526-0

Подписано в печать 31.01.2018.

Формат 170×240. Печать офсетная.

Объем 8.75 п.л., 3.14 а.л. Тираж 100 экз. Заказ № 01/2018

Издательство ИМЭМО РАН
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23